

Вотье Ж.

ШАРЛОТТА
ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ ГЕНРИХА IV

ЖЕНСКИЕ ЛИКИ — СИМВОЛЫ ВЕКОВ

Женские лики – символы веков

Жорж Вотье

**Шарлотта. Последняя
любовь Генриха IV**

«Алисторус»

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

Вотье Ж.

Шарлотта. Последняя любовь Генриха IV / Ж. Вотье —
«Алисторус», — (Женские лики – символы веков)

ISBN 978-5-486-03607-1

Жорж Вотье (годы жизни не установлены) – французский писатель, современник А. Дюма. В данном томе публикуется роман «Шарлотта», рассказывающий о событиях, происходивших во времена правления Генриха Наваррского, известного не только своей знаменитой фразой «Париж стоит мессы», но и посвященной ему популярной песней Дю Корруа о храбром короле Анри Четвертом, имевшем тройной дар: пить, воевать и быть галантным кавалером. Вот об этом-то последнем даре опасного соблазнителя и повествуется в романе Ж. Вотье. История сохранила имена пятидесяти четырех любовниц Генриха IV. Но самой сильной, самой порочной, самой запретной была последняя страсть Генриха к юной Шарлотте де Монморанси, которой тогда едва исполнилось пятнадцать лет.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-03607-1

© Вотье Ж.

© Алисторус

Жорж Вотье

Шарлотта. Последняя любовь Генриха IV

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

* * *

I

Это было 12 января 1609 года – в понедельник.

Король, сидя у окна в Лувре, смотрел, как шел снег; голову он опустил на левую руку, правой отбивал по стеклу марш, движение которой, сначала медленное и правильное, наконец перешло в бешеный галоп.

Вдруг марш остановился.

Король выпрямился и после минутного размышления встал, медленно перешел через комнату и остановился, скрестив руки, напротив кресла, где королева Мария Медичи, небрежно раскинувшись с книгой на коленях, мечтала, уставив глаза в потолок.

– Итак, вы не хотите взять мадам де Морэ?

– Не хочу.

– Еще раз: так ли это?

– Да, вот так, я сейчас же дам знать мадам де Вердеронь и попрошу ее присутствовать при репетициях.

– Кажется, я вам сказал: я не хочу, чтобы мадам де Вердеронь танцевала!

– Я думаю, вы предоставите мне полную свободу устроить мой балет, как я хочу. Королева я или нет?

– Вы королева... Но, мне кажется, вы забываете, что я король и имею право приказывать здесь... Я один приказываю здесь, слышите?

Мария Медичи молча пожала плечами и опустила глаза на книгу.

Государь, видя, что она решила не отвечать, вернулся к окну и опять стал барабанить по стеклу.

Пальцы его колотили так нетерпеливо, что через несколько минут королева приподняла голову.

– Можно узнать причину этого шума?

– И вы спрашиваете меня?

– Да, я... Право, я не знаю, какая муха укусила вас. Вы пришли сюда не в духе...

– Это вам так угодно говорить... Я никогда не был веселее; спросите Бассомпьера, который был со мною все утро... Но вы так принимаете меня!..

– Разве я не принимаю вас всегда со всем уважением, со всем вниманием?..

– Не об этом идет речь!

– О чем же?.. Объяснитесь...

– О том, что я не могу иметь своей воли, не могу даже выразить желания...

– С чего вы это взяли?

– Со всего... Разве не отказали ли вы мне сейчас в моей просьбе?

– Для чего вы просите меня о том, на что я не могу согласиться?

– Неужели вы хотите меня уверить, что вам нельзя принять в балет мадам де Морэ?

– Конечно... Во-первых, я обещала мадам де Вердеронь...

– Возьмите назад ваше обещание... Скажите, что король не хочет.
– Такое оскорбление! Вы, кажется, бредите.
– Мадам де Вердеронь! Хороша нимфа для балета!
– Вы имеете полное право не находить ее достаточно хорошенькой... но она нравится мне, и этого достаточно.

– Надутая физиономия... рост ландскнехта... и худая!..
– Уж вам ли разбирать... а ваша мадам де Морэ?.. Клубок... шар...
– Она очаровательна.
– Находите ее божественной, если это вам нравится... А я объявляю ее недостойной участвовать в том балете, где танцует самая хорошенькая девушка во Франции...

– Самая хорошенькая... Кто это?
– Шарлотта де Монморанси.
– Дочь коннетабля?
– Да...
– Дитя... ей лет четырнадцать, не больше.
– Пятнадцать, и она уже чудо красоты... Вы увидите и...
– Это еще вопрос, увижу ли я...
– Что вы хотите сказать?
– Вы, конечно, воображаете, что я буду присутствовать на этом балете?
– Вы всегда присутствовали на придворных празднествах.
– Да, в то время, когда исполняли мою волю, когда я мог распоряжаться здесь, когда итальянец...

Король остановился, увидев, что Мария Медичи встала и бросила на него гневный взгляд.

– Кончайте же! – бросила она тоном вызова и сжав губы.

– Не стоит труда.

Король сказал эти слова со странной улыбкой, которая обнаруживала вместе и насмешку и гнев.

– Вы думаете, конечно, что я не угадываю и не вижу глубины ваших мыслей... Это опять старый дуралей Сюлли вбил вам в голову...

– Пожалуйста, оставим Сюлли в стороне... Его единственное дурачество состоит в том, что он желает остаться мне верен до конца. Позвольте мне любить его за это дурачество.

– Признайтесь, что вы странно выражаетесь... Послушать вас, так подумаешь, что вы окружены здесь врагами.

– Я этого не говорил.

– Что за беда, если вы и не говорили?.. Вы очень ясно даете это понять.

– Когда знаешь наверно, кто за, кто против нас?

– Говорите откровенно... Лучше повторите сейчас, что вам наговаривает каждое утро ваш друг Сюлли, и скажите, что я составляю заговор против государства, против вас, против... мало ли еще кого!

– Я не обвиняю вас в заговоре!

– Очень великодушно с вашей стороны... Но в чем же обвиняют меня? В ваших словах ошибиться нельзя. Однако кто имеет здесь право жаловаться?

– Конечно, не ваши итальянцы.

– Не можете ли вы оставить в покое моих слуг? Они любят меня, они преданы мне... Я думаю, что не совершаю преступления, награждая их усердие...

На губах самодержца опять появилась та же улыбка.

– Если вы награждаете только их усердие...

Мария Медичи сделала презрительное движение рукой.

– Вы не предполагаете, я думаю, чтоб я отвечала на эти низкие оскорбления. Право, мне вас жаль.

– Я действительно достоин сожаления.

– Вы несерьезно говорите... а не то я спрошу вас, кто из нас двоих более достоин сожаления... Отвечайте, что я нашла при французском дворе?

– О! Конечно, ничего нового, потому что вы позаботились привезти с собою всех ваших тамошних друзей.

– Вы можете шутить, а я не расположена смеяться...

– А я-то!

– Когда приехала к этому двору, как я была принята?.. вспомните наше первое свидание в Лионе.

– С какой стати возвращаетесь вы теперь к этим воспоминаниям?

– Любили ли вы меня когда-нибудь?.. Вы любите только ваших любовниц, не правда ли?..

Но французскому престолу нужен был законный наследник, вот и все.

Король, очень бледный, не отвечал; он опять принялся барабанить марш по стеклу, но на этот раз марш был медленный и серьезный, как тот, который играет при похоронном шествии.

– Я должна была понять, что меня ожидало, – вспыхнула Мария Медичи, – когда мой дядя говорил мне, расставаясь со мною: «В особенности, племянница, имейте детей...» Какое первое имя поразило слух мой при въезде во Францию? Имя Генриетты д'Антраг... А сколько других слышала я потом!.. Ах! Мне следовало, пока еще было время, вернуться во Флоренцию...

Она возвышала голос и, говоря, внимательно наблюдала за супругом, как будто хотела видеть, какое действие ее слова производили на него. Но он, следя глазами за хлопьями снега, казался погруженным в мечтательность... Блестящая слеза медленно покатила по его щеке и затерялась в седой бороде.

– Вы правы, – пробормотал он сквозь зубы, – этот брак был большою ошибкой... – Он встал и, подойдя к королеве, которую это замечание совершенно ошеломило, прибавил: – Эта сцена упреков не может быть серьезна... Воротимся к началу.

– Как? Несерьезна?

– Неужели вы станете притворяться ревнивой?

– Однако...

– Что касается вины, которую мы можем иметь друг против друга, поверьте мне, перестанем об этом говорить... Некоторые вещи следует иногда не знать, – прибавил он с глубоким вздохом.

Мария Медичи посмотрела на него с тревожным видом. К ней возвратилась ее прежняя самоуверенность, только когда государь спросил ее отрывистым голосом:

– Последний раз, хотите или нет дать место в вашем балете мадам де Морэ?

– Я вам уже сказала, что нет.

– Даже чтоб доставить мне удовольствие?

– Ваша любовница...

Король пожал плечами и прибавил голосом еще более отрывистым:

– Даже если я приказываю?

– Даже если вы приказываете... Я решила, что это место займет мадам де Вердеронь, и будет так, как я решила.

Когда она произнесла эти слова, тихо постучались в маленькую дверь в глубине комнаты возле алькова.

– Это синьор Кончини, конечно, – сказал король.

– Да, – сухо ответила Мария Медичи.

– Я уступлю ему место...

Он медленно повернулся, сделал несколько шагов и остановился, чтобы снова заговорить с королевой, которая уже подошла к маленькой двери.

– Позвольте вы мне сказать еще одно слово?

– Что вам нужно?

– Ведь синьор Кончини не выйдет из терпения?

– Как вы несносны! Говорите... Что вам нужно?

– Я предлагаю вам сделку. Оставьте мадам де Вердеронь и примите мадам де Морэ.

– Вы очень этого желаете?

– Я вам уже сказал.

– Пожертвуйте маленькой Монморанси... Я берусь устроить это дело с коннетаблем.

– Вы забываете, что это жемчужина моего балета, самая прелестная из всех.

– Черт побери красавицу, о которой мне прожужжали все уши! – пробормотал король.

В дверь опять постучались, и на этот раз с нетерпением.

– Синьор Кончини сердится, – сказал король, – и находит, что король французский не очень спешит... Я ухожу как можно скорее, ухожу!

Он вышел с насмешливой улыбкой на губах, но, как только вышел, черты его болезненно подернулись, он сжал кулаки и поднял их угрожающе.

Большими шагами прошел он коридор, отделявший комнаты королевы от его кабинета.

Но в ту минуту, когда он брался за дверь, коридор вдруг наполнился шелестом платьев и серебристым хохотом...

Он поднял голову и заметил перед собою двадцать молодых девушек; они были в коротких белых платьях и с серебряными полумесяцами в волосах; они бегали и догоняли друг друга, угрожая большими стрелами из позолоченного дерева.

Это были фрейлины королевы, отправлявшиеся на репетицию балета.

При виде повелителя они все остановились, вдруг сделались безмолвны и низко поклонились с улыбкой на губах, как будто ждали комплиментов.

Но он, не бросив на них ни одного взгляда, устремился к двери, почти выбил ее, до того сильно было его движение, и тотчас хлопнул и запер ее за собою.

Фрейлины, все низко приседавшие, остались на минуту безмолвны и неподвижны, совершенно смутившись от этого приема, совсем не похожего на тот, который король обыкновенно делал им.

Потом, когда прошла первая минута смущения, они пробежали на цыпочках перед страшной дверью и продолжали путь по длинным коридорам Лувра, перешептываясь с испуганным видом.

II

Генриху IV было тогда пятьдесят шесть лет. Его волосы седели, и длинные серебряные нити в его густой черной бороде показывали его лета и усталость.

Но он сохранил от молодости гибкость, живой взгляд, чистосердечную и веселую улыбку, в короле французском виднелся еще король Наваррский, в Генрихе IV – беарнец.

Сердце в нем было еще молодо, как в то время, когда под большими вязами Нерка он учил Флоретту азбуке любви, молодо, как во время мадам де Сов, булочницы Сен-Жан и прекрасной Коризандры. Это сердце, которое он сто раз отдавал и брал назад, которое он растратил понемножку на дороге и крошки которого пятьдесят четыре известные любовницы разделили между собою, пылало, как в двадцать лет, и сохранило его физиономии кое-что от весеннего огня.

Слава составляла для него ореол. Все помнили победителя при Арке и Иври, любовника прекрасной Габриэли, того, кого политики называли восстановителем французской монархии, народ – отцом, того, который столько любил и которого столько любили...

При виде его сердца у всех девушек бились, губы улыбались и все прекрасные глаза старались встретиться с его взглядом.

Нужна была только искра, чтобы зажечь в Генрихе огонь, который тлел, но не угас под пеплом времени. Тогда он танцевал и соперничествовал в силе, веселости, увлечении, молодости с самыми блестящими кавалерами при дворе; тогда он забывал тяжелые неприятности правления и мрачное горе супружеской жизни, тайную вражду Марии Медичи, самовластие Кончини, проповеди отца Котона.

Но сколько страшных пробуждений, когда подагра, эта неумолимая посланница, являлась напоминать ему права возраста, когда, пригвожденный к кровати, он слышал шум празднеств, на которых распоряжались итальянцы, когда между Сюлли, коннетаблем и несколькими прежними друзьями он оставался лицом к лицу со старостью, одиночеством и политикой...

В пятницу утром государь, чувствовавший ночью боль в ноге, встал очень не в духе.

Он послал за Сюлли в Арсенал и сидел несколько часов, запершись с ним, потом приказал, чтобы к нему позвали Бассомпьера, как только тот придет в Лувр.

При дворе один Бассомпьер имел способность развлекать короля. Бассомпьер знал все, вмешивался во все, без него не было ни праздника, ни любовной интриги, он был самый развратный, самый тщеславный, самый хвастливый и самый нескромный из всех волокит.

Когда Генрих увидел после целого часа ожидания растрепанную голову лотарингца, он вздохнул с глубоким облегчением.

– А! Вот и ты наконец... Я уже тебя спрашивал двадцать раз, не правда ли, Легран?

Герцог де Бельгард, стоявший за креслом короля, холодно и величественно наклонил голову, насколько позволяла его высокая и широкая манишка.

– Ну войди же, – продолжал Генрих, – что торчишь там на одной ноге, как журавль... Рассказывай скорее, почему ты так поздно явился сегодня в Лувр? Я чую какое-нибудь приключение; ты мне кажешься очень бледен!..

– Хорошо, кабы приключение... Я целую ночь мерз...

– Мерз?.. Однако ты, кажется, не таков, чтобы оставить свой плащ в руках красавицы.

– Увы, государь! Я не видал ни красавиц, ни дурнушек... У меня нынешнюю ночь не было другого общества, кроме лихорадок.

– Лихорадок! – заворчал с досадой хриплый голос, как будто выходивший из спинки большого кресла. – Сколько же их было? Пять, шесть, семь или больше?

Бассомпьер с любопытством посмотрел в ту сторону, откуда раздался этот голос, и громко расхохотался.

– Мне не нужно спрашивать, кто прячется за этой высокой спинкой... Это добрый Малерб, величайший поэт прошедших, настоящих и будущих времен, самый несносный педант от Парижа до Меца!

– Милостивый государь, я не педант! – вскричал Малерб, вставая и покраснев от гнева. – Но я люблю, когда говорят правильно.

– Хороша шутка! Разве я говорил не по-французски?

– Нет... Когда говорят по-французски, говорят – лихорадка, а не лихорадки, потому что лихорадка бывает одна, а не несколько.

– Все говорят – лихорадки.

– Это оттого, что все говорят дурно!..

– Полно, – перебил король, у которого этот спор вызвал некоторую веселость, – не деритесь... В грамматике я всегда отдаю предпочтение Малербу, в любви – Бассомпьеру...

– Но... – сказал поэт обиженным тоном.

- Разве и я так же дурно говорил?
- Не то, только...
- А! Понимаю... Успокойтесь, всем известно, что вы страшный волокита и понимаете любовь... Но пока дело идет не о том... Решено: у Бассомпьера была лихорадка, а не лихорадки.
- Согласен, государь, чтобы сделать удовольствие господину де Малербу.
- Но скажи мне, какого цвета была она... белокурая или черноволосая?
- Государь, я не смотрел на нее.
- Стало быть, ты хорошо ее знал... А! Не та ли эта злокачественная лихорадка, о которой ты говорил мне вчера и которая живет на улице Гюшет, у пирожника?
- Увы, нет! Другая!
- Другая улица или другая пирожница?
- Другая лихорадка, хорошая, настоящая...
- Ты действительно был болен?
- Вот уже полчаса, как я повторяю это вашему величеству... Я вернулся домой вчера в два часа и больше не выходил...
- Это неприятно... А я рассчитывал на тебя, чтобы узнать городские новости, чтобы развлечься... Какой же ты неловкий! Занемог именно в тот день, когда ты мне нужен!
- Государь, делаешь, что можешь...
- А иногда делаешь больше, чем можешь... Ты убьешь себя, Бассомпьер, и очень скоро.
- Да не услышит вас Бог, государь!
- Ты должен что-нибудь мне рассказать. Бассомпьера нельзя принимать без новостей.
- Клянусь вам, государь, что я не знаю ничего, решительно ничего...
- А! Ты упрямисься... Если через пять минут ты ничего не придумаешь, я отправлю тебя в Бастилию...
- В Бастилию!
- И велю запереть Малерба в твою тюрьму на вечное заключение вдвоем.
- Пощадите, государь, пощадите... Я расскажу все, что вам угодно.
- А! Я знал, что тебя наконец заставишь говорить...
- Только предупреждаю вас, что я расскажу вам не новость...
- Все-таки расскажи, если это интересно...
- Я начинаю... Жил-был вельможа, называвшийся граф Ангевейлер. Он женился на графине Киншнейн, которая подарила ему трех дочерей. Вот этот вельможа...
- Какую это бабью сказку рассказываешь ты мне?... Ты насмехаешься надо мной!
- Насмехаюсь!.. Государь, это история моей фамилии!..
- Твоей фамилии?... Эти имена?..
- Хорошие имена дикарей, – колко сказал Малерб.
- Что же делать? – ответил Бассомпьер. – В Лотарингии их находят хорошими... Не всем удается родиться в Нормандии.
- Это оскорбление? – спросил Малерб, снова вставая.
- Полно, поэт, полно... – сказал Генрих, заставляя его опять сесть. – Оставим Бассомпьера рассказывать историю. Это должно быть любопытно.
- Очень любопытно... Итак, этот вельможа, говорю я, хотя женатый, имел очень короткие сношения с одной волшебницей...
- Узнаю кровь Бассомпьеров... От отца до сына все волокиты...
- Государь, если вы станете все прерывать меня, я рискую никогда не дойти до конца.
- Продолжай и скажи нам, что с ним случилось.
- Ваше величество, кажется, серьезно интересуетесь этим мужем... Разве?..

– Молчи, Бассомпьер, – сказал Генрих, нахмутив брови, – без всяких комментариев и продолжай.

– Повинуюсь, государь... Итак, однажды случилось, что законная жена узнала об этих сношениях, и так как в то время любовницам не давали герцогств и привычки не было узаконивать незаконнорожденных...

– Бассомпьер... берегись!

– Но это в истории, государь.

– Ну, пропусти подробности... Я начинаю находить скучной твою историю.

– Пропускаю... Словом, он был принужден расстаться с волшебницей; расставаясь с ним, она сделала ему три подарка: перстень, стакан и ложку... и приказала разделить их между тремя дочерьми, потому что эти вещи должны были принести счастье их фамилии. Старшая, вышедшая за принца Сальма, получила перстень; вторая, вышедшая за Круа, получила стакан; третья, наконец, была женою моего прапрадеда и получила ложку... Талисман этот благоговейно переходил от отца к сыну, и мы убеждены, что в тот день, когда он потеряется, большие несчастья обрушатся на наш дом.

– И вы твердо верите чудесному качеству этой ложки? – спросил Малерб.

В эту минуту шум шагов и смеющихся голосов отвлек внимание от рассказа.

– Фрейлины пройдут мимо нас! – вскричал Бассомпьер, поспешно вставая и бросаясь к двери. – Нельзя потерять этого прекрасного зрелища.

Но Генрих уже встал.

– Заприте эту дверь, заприте скорее!

– Как... вашему величеству угодно?..

– Запри, говорю тебе!

– Однако...

– Запри, злодей!..

Бассомпьер колебался. Генрих, забыв о своей подагре, пробежал через комнату в два прыжка, поспешно оттолкнул Бассомпьера и, схватившись обеими руками за половинку двери, которая оставалась полуоткрыта, хотел захлопнуть ее...

И остановился, увидев перед собой юную девушку с гибким и стройным станом, свежее личико которой, обрамленное густыми белокурыми волосами, было почти сверхъестественной красоты.

Девушка подняла на короля свои большие глаза, сверкавшие странным огнем, краснея, низко присела и прошла мимо.

Генрих оставался на одном месте, пораженный восторгом, не видя улыбок, бросаемых на него фрейлинами королевы Марии Медичи, которые проходили мимо.

Он опомнился, только когда услышал насмешливый голос Бассомпьера, который говорил ему на ухо, чтобы ни Легран, ни Малерб не услышали:

– Ну, государь, вы ее видели? Она очень хороша, не правда ли?

– Да... то есть... О ком ты говоришь?

– О ней...

– Да, о ней... Но кто она?

– Шарлотта де Монморанси...

– Дочь коннетабля? Та, которая шла впереди?

– И которая скоро, с вашего позволения, государь, будет мадам де Бассомпьер.

Король несколько минут не говорил; он как будто следил за неприятной мыслью.

– Это правда, я помню... Коннетабль говорил мне об этом браке и просил для тебя должность первого камер-юнкера.

– Государь, это будет слишком большая милость для меня.

– Но вчера я видел де Бульона, и я должен тебя предупредить, что он не из твоих друзей и что этот брак не по его вкусу.

– Неужели он позволил себе...

– Успокойся, он только просил меня не давать своего согласия не подумав.

– Надеюсь, государь, что ваша дума не будет неблагоприятна для меня.

– Кажется, я всегда хотел для тебя всего хорошего... У тебя будет очень хорошенькая жена!

Король сказал эти слова с таким жаром, что Бассомпьер сделал странную гримасу.

Но гримаса его сделалась еще значительнее, когда он услышал, как король сказал Малербу:

– Даю вам отпуск до завтра, господин поэт... Я пойду на репетицию балета.

– Но, государь! – вскричал Бассомпьер с необыкновенной живостью. – Я думал, что вы не будете присутствовать...

– Я не присутствовал в прежние дни, а буду присутствовать сегодня... Что тут такого необыкновенного, Бассомпьер?

– Ничего... Однако, государь, мне казалось... говорили...

– Что такое?

– Что этот балет вам не нравится... И, видя, как резко вы приказали мне сейчас запереть дверь, когда проходили фрейлины...

– Это правда, я имел неприятное объяснение с королевой по поводу этого балета и несколько дней поступал сурово с нимфами Дианы... Но эта обида не может продолжаться вечно, не правда ли?

– Нет, государь... и я буду очень рад сопровождать вас...

Король сделал двадцать шагов по коридору, потом вдруг остановился.

– Кстати, Бассомпьер, у меня есть для тебя небольшое поручение.

– Я к услугам вашего величества.

– Ступай в Арсенал сказать Сюлли, что я приду завтра говорить с ним об одном важном деле и что он должен велеть приготовить для меня обед...

– Сейчас, государь?

– Да, сейчас... Один Легран пойдет со мною, притом я вижу Монтеспана, который проводит нас до бальной залы. Ступай.

Бассомпьер поклонился и, ворча, направился к большой лестнице.

На последних ступенях он наткнулся на Малерба, который медленно спускался с лестницы.

– У вас очень озабоченный вид, – сказал поэт насмешливым тоном, – можно узнать, что вас раздосадовало?

– Я уже вам сказал, что у меня лихорадка.

– Лихорадка, лихорадка, если только у вас нет пяти, шести лихорадок вдруг...

Бассомпьер отпустил страшное немецкое ругательство и, перепрыгивая через четыре ступени разом, убежал.

III

Когда король вошел в большую луврскую залу в сопровождении герцога де Бельгарда, великого конюшего, и Монтеспана, капитана гвардейцев, оркестр остановился, нимфы Дианы опустили свои стрелы и прервали танцы.

– Что такое? – спросила, обернувшись, Мария Медичи, шепотом разговаривавшая с Кончини, который сидел возле нее на табурете.

Приметив короля, она встала, и боязливое замешательство, сначала обнаружившееся на ее лице, немедленно уступило место торжествующей улыбке.

– Какой сюрприз вы сделали нам, государь!.. Ваше присутствие здесь тем для меня приятнее, что я совсем его не ожидала...

– Я сам очень удивляюсь, что нахожусь здесь...

– Ваше отсутствие очень огорчало нас; все эти дамы принимали его за неодобрение... По крайней мере, мне сейчас говорила это мадам де Вердеронь...

Она указала королю на одну из дам, которая сделала глубокий реверанс.

Но Генрих, досаду которого пробудило это имя, повернулся к ней спиной, не ответив на поклон, и, наклонившись к уху королевы, сказал ей:

– Я уверяю вас, что мадам де Морэ была бы гораздо лучше.

– Не для того же, чтобы опять начать ссору, пришли вы сюда, я думаю?

– Успокойтесь... я так же мало имею желания, как и вы, делать весь двор свидетелем наших ссор... Довольно и того, что мы ссоримся между собою...

– Может быть, вы станете уверять, что в этом виновата я?

– Во всяком случае, виноват не я.

– Вот уж это чересчур...

Разговор делался бурным. Король вдруг прервал его и направился к Кончини, к которому подошел с улыбкой на губах.

– Угодно вам уступить мне на несколько минут этот табурет?.. Если только вы не желаете продолжать разговаривать с королевой... В таком случае я сочту своей обязанностью удалиться и не мешать вам...

Кончини ответил надменным поклоном и стал по другую сторону кресла королевы, которая вдруг сделалась серьезна и озабоченна.

Генрих сел и бросил взгляд на эскадрон нимф, которые занимали места, чтобы продолжать прерванную фигуру. Он без труда нашел белокурую девочку, вид которой вдруг возбудил в нем такое сильное волнение. Она была в первом ряду, и ее мифологический костюм, открывавший удивительно сложенную ногу, ее осанка, немножко неловкая и еще детская, придавали ее волшебной красоте очарование почти непреодолимое.

Легран как искусный придворный внимательно следил за направлением глаз своего повелителя и, видя, что он упорно наблюдает за движениями Шарлотты де Монморанси, наклонился к нему с раболепной улыбкой.

– Ваше величество удостаиваете восхищаться девицей де Монморанси?

– Она очень хороша, не правда ли, Бельгард?

– Это мнение всего двора, государь. Несколько дней тому назад, когда она была первый раз у ее величества королевы, все единогласно признали, что она превосходит красотой свою покойную мать...

– Это правда... Будь я двадцатью годами моложе... даже десятью, это было бы довольно, как ты думаешь?

– Я думаю, что ваше величество несправедливы к себе, предполагая, будто действие времени...

– Ты думаешь?... Положим, пять... Надо быть рассудительным. Уверяю тебя, будь я пятью годами моложе... Словом, ты меня понимаешь.

– Истина, которая всегда была для меня священна, принуждает меня объявить вашему величеству, что я не понимаю.

Генрих взглянул на Леграна с видом глубокого удивления.

– Ты, кажется, насмехаешься надо мною...

– Простите, ваше величество... Я, вероятно, дурно выразился. Я не понимаю, что вы ссылаетесь на ваши лета, которые не кажутся мне препятствием.

– Право, ты хочешь смеяться... Не желаешь ли ты меня уверить, что я Адонис?

– Адонис был ветрогон, возвысившийся от прихоти знатной дамы и недостойный милости, которой он сделался предметом.

– Черт побери, как ты его отделяешь!.. А я уверен, что маленькая Монморанси была бы не так строга к нему.

– Нет, государь.

– Как нет?

– Ваше величество, позвольте мне напомнить вам, потому что, кажется, вы об этом забыли, что Венера отдала свое сердце победоносному Марсу.

Король слегка покраснел, потом прибавил после довольно продолжительного размышления:

– Мне все-таки кажется, что у Марса в то время, когда она сделала ему этот подарок, не было еще седой бороды.

– Я замечу вашему величеству, что она любила его не за цвет бороды, а за мужество, благородство, великодушие, за то, чем он был... словом, за то, что он Марс.

– Ты льстец, Бельгард, и дурной советчик.

– Бог мне свидетель, государь, что я говорю искренно и откровенно... Все здесь так же, как и я, найдут естественным и законным, что самый знаменитый из наших королей любит самую прелестную женщину во Франции и любим ею.

Король, который несколько минут вертелся на табурете, ничего не отвечал. Обернувшись, он встретил холодный и суровый взгляд королевы, устремленный на него, и невольно задрожал.

– У вас очень взволнованный вид, – сказала Мария Медичи, – что это вам шепотом рассказывал Бельгард?..

– Он подавал мне отвратительные советы... Он советовал мне влюбиться в мадемуазель де Монморанси.

– В самом деле! А вы что отвечали ему?

– Я отвечал, что считаю себя слишком старым для таких зеленых плодов.

– В самом деле, мне кажется...

– А! Вам кажется! – сказал Генрих обиженным тоном.

– Конечно, Шарлотте де Монморанси пятнадцать лет, и я сомневаюсь, чтобы седая борода пришлась ей по вкусу.

– В любви встречались вкусы еще страннее.

Эти слова, обнаруживавшие сильный гнев и сопровождавшиеся злым взглядом на Кончини, заставили Марию Медичи нахмурить брови; но это длилось только одну минуту, и она продолжала тотчас сладеньким голосом:

– Итак, вы не настаиваете на ваших прежних намерениях?

– Каких?

– Вы хотели, сколько мне помнится, пожертвовать мадемуазелью де Монморанси, чтобы дать место этой...

– Не об этом идет речь... Ваш балет хорош и так.

– Я очень рада, что он заслужил ваше одобрение... Вам объясняли сюжет?

– Это, кажется, Диана и ее нимфы.

– Именно... В эту минуту богиня заметила Актеона, который подстерегает ее сквозь листья. Она зовет к себе своих нимф, которые подбегают и делают вид, будто хотят пронзить нескромного своими стрелами... Посмотрите.

Действительно, нимфы подходили, все в ряд, размахивая над головами большими позолоченными копьями.

Дойдя до середины зала, они составили большой круг около Дианы. Этого оборонительного маневра, вероятно, не было достаточно, чтобы испугать неделикатного охотника, потому что круг, составившись, тотчас разошелся.

– На месте Актеона, – спросил король шепотом Леграна, – отступил бы ты?

– Государь, Бельгард не отступает никогда.

– Хороший ответ... Но мне кажется, что, будь я на месте Актеона, при виде такого множества неприятельниц я убежал бы со всех ног... Посмотри, как они танцуют... Он испугается и убежит... Решительно этот Актеон дурак.

Нимфы бегали во все стороны, встречаясь, перекрещиваясь, вдруг они остановились.

– Трус пошел за подкреплением и, вероятно, возвращается с другими охотниками, – сказал Генрих.

Но слова замерли на его губах.

Перед ним в нескольких шагах белокурая Шарлотта де Монморанси с пылающими щеками, сверкающими глазами как будто угрожала ему копьём...

Она улыбалась шаловливой улыбкой, от которой в углах ее рта образовались ямочки – они могли бы свести с ума и праведника.

Внимание короля, который не спускал с нее глаз ни на минуту с тех пор, как вошел в зал, его волнение не укрылись от нее; уверенная уже в своей красоте, она находила детское удовольствие в этом первом торжестве.

Оркестр, остановившийся на минуту, заиграл воинственный марш, и нимфы опять начали атаку...

Шарлотта де Монморанси подняла над головой руку, державшую копьё, и, все смеясь, устремила глаза на короля, сделав вид, будто хочет пронзить ему грудь...

Генрих, бледный от волнения, раскрыв широко глаза, приподнялся с табурета, словно очарованный. Увидев острие копья на два пальца от своего сердца, он слабо вскрикнул и упал без чувств на руки Леграна.

Танцы тотчас остановились. Около короля столпились. Думали, что он ранен.

– Это ничего, – сказала королева, вдруг оттолкнув дам. – Просто обморок... Король нездоров уже несколько дней... Вы можете уйти; мы оставим репетицию на сегодня.

У нее был такой раздраженный вид, что все поспешили выйти без шума.

Шарлотта де Монморанси, вне себя, растревоженная, готовая расплакаться, спряталась за своими подругами.

Когда Генрих пришел в себя через несколько минут, его первым движением было бросить взгляд удивления, почти отчаяния, вокруг залы, пустой и безмолвной.

– Как! Никого!

– Нет, – ответила королева. – Вы можете догадаться, что, видя вас без чувств, перестали танцевать.

– Напрасно... Я не болен и желаю, чтобы кончили балет.

Мария Медичи вместо ответа пожала плечами и пошла в сопровождении Кончини к двери, которая вела к ее комнатам. Когда она вышла, король обернулся с глубоким вздохом к Леграну и Монтеспану.

– Полно, господа, пора и нам уйти... Дай мне твою руку, Легран. Я еще не совсем оправился, и моя нога жестоко болит...

Идя медленно по длинным коридорам Лувра, он бормотал вполголоса:

– Проклятая подагра!.. Я ее чувствую, она тут!.. О старость!.. Я отдал бы все, мой престол и Кончини вдобавок... и мою жену... О! Ее-то с удовольствием... Я отдал бы все за несколько дней молодости... Видел ты, Легран, как она устремила на меня это копьё! Я почувствовал, что оно входит мне в сердце.

– Государь, это раны приятные.

– Я чувствую, что эта рана продолжится всю жизнь... Сколько еще мне остается жизни.
– Государь, вы проживете еще много лет.
– Да услышит тебя Бог!.. А вы, Монтеспан, видели, как грациозно направила она на меня копьё?

– Видел, государь.
– Она хороша, не правда ли?
– Прелестна, государь, и достойна внушать любовь величайшим героям.
– Но вы думаете, что это случилось случайно?
– Вовсе нет, государь.
– Так вы думаете, что она сделала это с намерением?
– В этом нельзя сомневаться, государь.
– Но она так молода, а я становлюсь...

Он замолчал и взглянул на обоих своих советников с тревожным видом; он как будто боялся выговорить слово.

Монтеспан поклонился так низко, как только мог, и сказал:

– Государь, в обоих королевствах: и во французском, и в наваррском – нет ни одной девушки, которая не считала бы величайшей милостью заслужить внимание Генриха Великого.

– А! Вы думаете?
– Мы в этом уверены, – отвечали хором оба.

Дошли до двери кабинета короля.

– Даю вам свободу, господа... Легран, пошли сказать Малербу, чтобы он пришел ко мне; я хочу сегодня же заказать ему стихи.

– Я сейчас пошлю за ним.
– И вели принести мне как можно скорее том Астреи... До свиданья, господа.

Не сделали оба и двадцати шагов, как король позвал их:

– Кстати, Легран, скажи камер-лакеям, чтобы они не запирали двери моей комнаты, как я приказал, когда фрейлины королевы идут на репетицию балета... и даже когда она будет затворена, чтобы они отворили ее настежь, настежь, слышишь ли?

– Да, государь. Будет сделано, как вы приказываете.
– Хорошо... и не забудь Малерба и Астрею.

С этими словами король вошел в свой кабинет, а Легран удалился с Монтеспаном, не видя, что его брыжи сбились набок, что заставило предположить всех, кто встречался с ним, будто он находился в эту минуту под влиянием очень серьезной озабоченности.

IV

В этот день король должен был лечь в постель и целую неделю не выходил.

После обеда, устроив с Сюлли дела, не терпевшие отлагательства, он приказывал ставить стол около кровати и целый вечер играл в кости. В это время он принимал посетителей. Королева приходила один раз. Герцогиня Ангулемская, сестра коннетабля, тетка Шарлотты де Монморанси, приходила раз пять или шесть.

Ночью он спать не мог. Легран, герцог де Грамон и Бассомпьер не спали поочередно и в тех редких промежутках отдыха, которые оставляла ему боль, читали ему Астрею.

В одно утро, когда Легран провел ночь возле него, король вдруг проснулся в восемь часов утра; добрый герцог читал так монотонно, что на рассвете королевские веки нечувствительно закрылись.

Король с испугом осмотрелся вокруг: Легран, сидя в огромном кресле с тяжелой книгой на коленях, продолжал читать при свете свечи.

– Кажется, я заснул... Что ты там бормочешь, Легран?

– Я повинуюсь приказаниям вашего величества, читаю Астрею.

– Однако ведь ты видел, что я сплю?

– Конечно, государь, и благодарю Господа за этот живительный сон, который показывает близкое окончание страданий вашего величества.

– Благодарю, Легран... Однако я не понимаю... Если я спал, зачем же продолжал ты читать?

– Я слишком хорошо знаю свои обязанности, чтобы осмелиться перестать, прежде чем ваше величество изволите мне приказать...

– Ну, надо сызнова... десять, пятнадцать страниц... или нет, лучше завтра... Пусть позовут Бассомпьера, я хочу с ним говорить.

– Сейчас?... А известно ли вашему величеству, что теперь только восемь часов?

– Да, сейчас... Дело спешное, пусть прибежит.

Легран с удивлением высунул голову из своих брыжей, потом тотчас спрятал ее, встал, не говоря ни слова, закрыл книгу и торжественными шагами направился к двери.

Король с нетерпением вертелся на постели.

– Легран, разве вы не слышите, что я спешу?... Вы тащитесь, как черепаха.

Легран до того был удивлен этим строгим замечанием, что пустился чуть не бегом, не видя отца Котона, который стоял у двери и которого он отбросил к стене.

При виде иезуита лицо Генриха омрачилось. Он заговорил с ним почти с гневом:

– Что вы тут делали?

– Я... я... я только что пришел, – пролепетал иезуит, еще ошеломленный толчком, – я хотел войти...

– У вас странный способ входить! Вашей походки никогда не слышно, и нельзя отворить дверь, не найдя вас за нею...

– Ваше величество подозреваете меня?

– Нет, я вас не подозреваю, – сухо ответил Генрих.

– О! Боже мой, к чему щадить меня! Я знаю, что у меня есть сильные враги, которые стараются вредить мне, ничтожному служителю религии, ненавистной им...

– Предупреждаю вас, преподобный отец, что я нетерпелив сегодня.

– Однако, государь...

– Пожалуйста, перестаньте. По какому делу вы пришли?

– Я пришел, государь, просто для того, чтобы принести вам мои утешения и помощь...

– Вашу помощь? Разве я уже умираю, что мне нужен духовник?

Иезуит потупил глаза от грозного взора короля.

– Я молю Бога каждый день о сохранении долгих дней вашему величеству.

– И пришли удостовериться, исполняются ли ваши молитвы?

– Как можете вы думать, государь, что я могу...

– Вы можете пойти сказать тем, кто вас послал, преподобный отец, что я нахожусь в отличном здоровье и чувствую, что буду еще здоровее, и что подагра еще не так скоро убьет меня...

– Но, государь...

– Как! Это еще не все... Что еще вам нужно?

– Я пришел просто... думая, что утешения религии помогут вам перенести болезнь.

– Отец Котон, знаете ли вы так, как я, что двадцать шесть докторов понапрасну потеряли труд и время?

– Государь, медицина – наука людская и ограниченная, между тем как лекарства религии всемогущи. Около Венсана находится бедный монастырь, в котором живут бедные монахи. Они были бы рады молиться Богу за ваше выздоровление, если б только вам угодно было им дать...

Генрих быстро повернулся к стене и спрятал голову под одеяло. Потом через несколько минут он с любопытством высунул нос посмотреть, что делает его духовник.

Преподобный отец сидел у изголовья кровати на стуле Леграна, как охотник, подстерегающий добычу. При шуме он поднял глаза, которые для вида были устремлены на молитвенник.

Генрих снова поспешил исчезнуть под одеялом.

Таким образом оставались они вдвоем около часа, не обменявшись ни одним словом.

По мере того как время уходило, король приходил все в большее волнение. Он вертелся, ворчал, бил кулаком по изголовью.

Бесстрастный иезуит как будто ничего не слышал. Несколько раз пользовался он минутной тишиной и начинал вполголоса ту же фразу:

– Государь, около Венсана есть бедный монастырь, в котором живут бедные монахи...

Но, не получая ответа, он всегда умолкал после первых слов.

Только к девяти часам дверь шумно отворилась, и явился Бассомпьер, ошеломленный, запыхавшийся, растрепанный.

– А! Вот наконец и ты явился! – вскричал король, вылезая из-под одеяла. – Отчего ты так мешкал, когда я тебя зову?

– Государь, я не ожидал... Так как была очередь Леграна оставаться с вами, я вчера вечером засиделся в гостях и только утром глубоко заснул...

– Ты опять ночью затесался в какое-нибудь неприятное приключение?

– Клянусь вам...

– Не обманывай меня, у тебя вид еще расстроенный.

– Увы! Государь, да, я совершенно расстроен... И есть от чего!

– В самом деле? Что же случилось с тобою?

– Мне приснилось, государь...

– Приснилось, слышу... но что такое?

– Мне приснилось, государь, что моя ложка... Знаете мой талисман...

– Ну?

– Мне приснилось, что ложка моя затерялась...

– Она действительно затерялась?

– Не знаю... Я еще не успел удостовериться, я так спешил бежать к вашему величеству...

Но все равно, я убежден, что над головой моей висит несчастье.

Король сделал странную гримасу и обратился к иезуиту:

– Отец Котон, я хочу говорить с Бассомпьером...

Иезуит поклонился и продолжал спокойно чтение.

– Вы слышали, отец Котон? Я вам говорю, что хочу говорить с Бассомпьером.

– Я слышал, государь.

– Ну?

– Вы имели честь сказать мне, что желаете говорить с господином Бассомпьером.

– Говорить с ним с глазу на глаз... с глазу на глаз... с глазу на глаз... Довольно ли ясно теперь?

Отец Котон закусил губу, закрыл свой служебник и вышел с видом негодования.

– Большое счастье, что он наконец понял...

– Уверю вас, государь, что, если бы вас тут не было, я схватил бы его за плечо...

– Но мы от него освободились... Будем говорить...

– Я слушаю вас с глубочайшим вниманием, государь...

Король казался в большом замешательстве, как начать разговор; он кашлял, сморкался, наконец после большой нерешимости начал:

– Как тебе нравится девица д'Омаль?

Вопрос этот удивил Бассомпьера.

– Девица д’Омаль? – повторил он.

– Да, она...

– Я нахожу ее...

Шелест заставил его повернуть голову и избавил от труда придумать слово достаточно вежливое. Отец Котон стоял посреди комнаты, наострив оба уха, с видом тревоги и любопытства.

Несмотря на свой гнев, король не мог удержаться от смеха.

– Вам, верно, очень хочется узнать, о чем мы говорим?

– Государь, можете ли вы предположить...

– Как же это вы все входите, что вас не слышать? Ведь вы, однако, знаете, что я желаю остаться один. Я этого не люблю.

– Государь, я не помню, чтоб вы дали мне ответ насчет монастыря, в котором живут бедные монахи...

– Черт побери! – сказал Генрих, приподнимаясь.

Но иезуит вернулся не за тем, чтоб уйти так скоро. Не обращая внимания на гнев короля, он спокойно сел на стул, который занимал прежде, и, скрестив руки на коленях, начал тоном проповеди:

– Государь, простите меня, но как духовник вашего величества я счел бы пренебрежением самой священной своей обязанностью, если б не заметил вам, что вы имеете пагубную привычку призывать беспрестанно имя духа зла и что это грех...

– Но я не монах... Вы запретили мне клясться Богом, а теперь запрещаете клясться чертом!

– Государь, – лицемерно сказал Бассомпьер, – можно было бы заменить чем-нибудь равносильным...

– Придумал, придумал! – вскричал Генрих с движением торжества. – Теперь я уже не буду говорить «черт меня возьми», а «Котон меня возьми».

Отец Котон выскочил на середину комнаты; из красного он сделался багровым, из багрового – зеленым; он надвинул на уши свою четырехугольную шапку, бросил бешеный взгляд и вышел поспешными шагами, шумно захлопнув за собою дверь.

Генрих катался от смеха на постели. Когда прошел первый припадок веселости, он сказал:

– Славно же он ретировался! Я так хохотал, что забыл боль. Кажется, на этот раз он не придет.

– Кто знает? Может быть, его пришлет королева.

– Ты прав. Запри дверь на замок.

– Уже сделано... Теперь, если только он не вылезет из трубы...

– Во всяком случае, не скоро решится он на это, и мы будем иметь время поговорить. На чем мы остановились? Ты, кажется, хотел мне сказать твое мнение о девице д’Омаль.

– Ваше величество непременно этого желаете?

– Непременно. Это, кажется, удивляет тебя?

– Немножко. Я не понимаю этого интереса, потому что, государь, вы знаток.

– Как ты разборчив, господин Бассомпьер! Девица д’Омаль недурна и притом, знаешь, что это одна из самых богатых невест при дворе.

– Я не опровергаю.

– Что прекрасное герцогство перейдет в женский род и исчезнет.

– Это жаль: герцог д’Омаль – имя, приятное для слуха.

– Не правда ли, что приятно?... Скажи, Бассомпьер, у тебя никогда не было охоты называться герцогом д’Омалем?

– Нет, мои предки всегда оставались довольны именем Бассомпьера, я не знаю, зачем мне быть разборчивее их...

– Конечно, Бассомпьер – имя недурное... Но ты сейчас говорил, что д'Омаль звучит очень хорошо. Бассомпьер, герцог д'Омаль, герцог и пэр, потому что для тебя я сделаю герцогство пэрством.

– Для меня? Но я не имею на это никакого права.

– Теперь нет, но если ты женишься на девице д'Омаль... Я много об этом думал во время моей болезни... Мое величайшее желание видеть тебя женатым на девице д'Омаль!

Бассомпьер посмотрел на короля с тревожным видом и принял осанку серьезную, голос его стал торжественным.

– Вашему величеству, вероятно, неизвестно, что за двоеженство вешают...

Король, без сомнения, понял, что хотел сказать Бассомпьер, потому что сделал гримасу, но все-таки ответил самым естественным тоном:

– Ну конечно... Но с какой стати ты делаешь это замечание?

– Оттого, что ваше величество желаете, чтобы я женился два раза.

– Извини, один раз, если только ты не женат секретно.

– Нет, но я помолвлен с девицей де Монморанси.

– А! Этот план все остается?

– Остается! Он остается до такой степени, что, если бы коннетабль не был в эту минуту, так же как ваше величество, пригвожден к постели подагрой, свадьба была бы уже отпразднована.

Генрих не отвечал. Наступило минутное молчание. Бассомпьер, который казался очень взволнованным, наконец заговорил с чрезвычайной живостью:

– Государь, я угадываю... Вы видели де Бульона в эти дни. Он говорил вам против моего брака... Я это знаю. Он хвалился Роклору, что расстроит этот брак, он сердится на меня, потому что у него не спросили согласия, он ведь дядя... Как будто недостаточно согласия отца!.. Ах! Мой сон не обманул меня, я знал, что, когда моя ложка потеряется, со мною случится несчастье...

– Что ты мне поешь с твоим сном, ложкой и де Бульоном!.. Я ничего не понимаю.

– Для чего же, государь, хотите вы помешать мне жениться на девице де Монморанси?

– Я ничему не мешаю.

– Но в таком случае я не так понял... Вы, мне кажется, говорили о девице д'Омаль?

– Я просто советовал тебе лучше жениться на ней...

– Но я торжественно обручен с девицей де Монморанси с вашего согласия.

– Но с моего согласия можно тебя и разобручить.

– Но я влюблен.

– Я сделаю для тебя герцогство царством.

– Девица де Монморанси чудо красоты...

Король слегка покраснел и, не отвечая, начал чесать бороду со странной настойчивостью. Эта поза, должно быть, имела что-то страшно тревожное, потому что Бассомпьер вдруг совершенно растерялся.

– Вы ничего не говорите, государь... О чем вы думаете?

– О чем я думаю?.. Я тебе объясню. Размышлял ты когда-нибудь, Бассомпьер, об опасности иметь слишком хорошенькую жену?

– Мне этого не кажется...

– О! Это очень опасно, Бассомпьер, очень опасно; поверь моей строгой опытности... Двор теперь очень развращен, жена очень молоденькая, почти ребенок, неопытная, подвергается большой опасности... особенно когда она так хороша, как Шарлотта де Монморанси.

– Разве я не могу защитить ее?

- Мужья всегда защищают дурно... Притом, повторяю тебе, двор очень развращен...
- Есть средство очень простое – я увезу ее подальше от двора...

Он остановился посмотреть, какое действие произведут его слова, и потупил голову, как будто ожидал, что разразится громовой удар. Действительно, король подпрыгнул при этих словах и запальчиво схватил его за руку.

- Я запрещаю тебе увозить ее... Запрещаю, слышишь ли ты меня?
- Увы, государь, теперь я понимаю все...

Он имел такой покорный вид, что Генрих после минутной нерешимости пожал ему руку.

- Тем лучше... потому что ты мне друг, Бассомпьер...

- Вы очень добры, государь... но...

- Что такое?.. Говори.

- Простите мне, государь, откровенность моего вопроса... Вы твердо решились?..

- Совершенно... Я влюблен, как не был никогда...

- И тогда, если бы я женился... решительно не было бы надежды избегнуть?..

- И не помышляй... Поставь себя на мое место.

- Поставьте себя на мое, государь...

Король смутился и думал с минуту.

- Это для твоей пользы, поверь...

– Для моей пользы!.. Если вы так понимаете это, государь, то я предпочел бы, чтобы вы менее заботились обо мне...

- Ты нерассудителен...

- Мне кажется, напротив...

– Я предупреждаю тебя заранее, я говорю тебе: не женись... когда я ведь мог ничего тебе не сказать...

- И вы думаете, что это должно доставить мне большое удовольствие?

- Не совсем. Но ты все-таки свободен жениться...

– Очень благодарен, государь... Пусть другим достается эта роль... Я хочу жениться для самого себя... Но, впрочем, ведь вы только даете мне предостережение, а не приказание, государь?

- Как приказание?

– То есть вы предоставляете мне свободу защищаться и не намерены насиловать госпожу де Бассомпьер.

- Да, конечно...

- Ну! Когда так, я рискну...

- Стало быть, ты очень уверен, что тебя любят?

Бассомпьер ответил только улыбкой торжества и начал гладить свои усы с победоносным видом. Это раздражило короля, лицо его подернулось, и он ответил тоном почти строгим:

– Выслушай внимательно, что я тебе скажу, Бассомпьер... Ты знаешь, как горячо я к тебе привязан, ты участвуешь во всех моих удовольствиях, я сделал тебя полковником моих швейцарцев... Но я чувствую, что если ты отнимешь у меня любовь Шарлотты де Монморанси, то я возненавижу тебя.

– Увы! Государь, это очень печально для меня, но ни для какой женщины на свете не соглашусь я подвергнуться неудовольствию вашего величества... Однако, если вы позволите сделать вам почтительное замечание...

- Сделай.

– Ваше величество, уверены ли вы, что это я похищаю у вас любовь Шарлотты де Монморанси, а не сама ли она?

- Она тебя не любит...

- Однако все говорят противное.

- Все ошибаются.
- Это вопрос...

V

Бассомпьер принял вид оскорбленного достоинства. Он хотел ответить – без сомнения, жестоко, – и спор становился колким. Стук в дверь прервал его.

– Что там такое?

Голос дежурного камер-лакея отвечал:

– Герцогиня Ангулемская спрашивает о здоровье вашего величества.

– Скажите, что ночь я провел лучше... Почему она не приходит сама, по обыкновению?

– Она извиняется, что не может нанести визит вашему величеству, потому что она со своей племянницей, которую ведет к королеве.

– Со своей племянницей!

Генрих взглянул на Бассомпьера и, ударив себя по лбу, как будто ему пришла чудесная мысль, закричал:

– Скажите герцогине Ангулемской, чтобы она пришла сюда со своей племянницей. Слышите ли, с племянницей! Я хочу говорить с ними обеими. Ступайте скорее.

Камер-лакей бегом кинулся исполнять приказ.

Бассомпьер не говорил ничего – он смотрел на короля испуганными глазами.

– Ты онемел... Это тебя ошеломило?

– Я не понимаю...

– А, ты уверяешь, что ты любим... Ну, мы увидим.

– Как! Вы хотите спросить этого ребенка?..

– Для чего ты принимаешь такой испуганный вид? Разве ты теперь боишься?

– Нет, не боюсь... Но мне кажется, что приличия...

– Будь спокоен... Ведь я король, ведь моего согласия спрашивали? Вопрос такого рода от меня не заключает в себе ничего нескромного...

– Это правда, но...

– Ты на попятный, красавец Бассомпьер?

– К чему послужить?..

– А вот к чему. Слушай. Она не предупреждена, она не знает ничего. Если она ответит откровенно, наивно: «Да, я его люблю»...

– Тогда?

– Тогда я откажусь от всех моих надежд и предоставлю тебе полную свободу...

– В самом деле?

– Я делаю это только для тебя, потому что ты мне истинный друг... Но ты, если ответ будет неблагоприятен для тебя...

– Я даю клятву уступить место вашему величеству.

– Чему ты смеешься?

– Я уверен, что выиграю...

– Я слышу, открывается дверь... Это они... Скорее отвори дверь, накинь на меня этот плащ и спрячься.

– Где?

– Здесь, за кроватью... Присядь хорошенько... чтобы тебя не видели.

Не прошло и пяти минут, как герцогиня Ангулемская в сопровождении девицы де Монморанси вошла, высоко подняв голову, и, подходя к кровати короля, останавливалась каждые три шага и низко приседала.

Благородная дама очень гордилась оказанной ей честью. А ее юная племянница совершенно смутилась от этой августейшей кротости, и воспоминание о сцене, вызванной ее легкомыслием на репетиции балета, заставляло ее еще дрожать. Она шла, спотыкаясь о длинный шлейф герцогини Ангулемской, и та каждые три шага, чтобы заставить девушку делать реверансы, предписываемые этикетом, хватала ее за руку и шептала с грозными взглядами:

– Кланяйтесь... кланяйтесь... О чем это вы думаете?.. Будто вы не знаете придворных правил...

Король, не желая показать даме своих мыслей в том беспорядке, в который привела его болезнь, опустил в ногах кровати большие толстые занавески, совершенно закрывающие свет. Эта темнота была полезна его кокетству, но значительно стесняла благородную герцогиню Ангулемскую, которая, ничего не видя в темноте, низко приседала перед одеялом и любезно улыбалась ему.

Голос короля, раздавшийся с противоположной стороны, возвратил ей понимание происходящего.

– Что это вы там делаете, какие любезности оказываете вы моему одеялу?

– Простите, государь, темнота... поспешность, с какой я явилась по приказанию вашего величества... Вы изволили изъявить желание, чтобы я пришла к вам с моей племянницей.

– Пойдем друг друга хорошенько, вы не хотели сделать мне вашего обычного визита под предлогом, что она с вами... Я предположил, что вы не желаете ее оставить, и сказал: пусть она придет с племянницей.

Шарлотта де Монморанси, услышав эти слова, которые Генрих, несмотря на свое волнение, смог произнести легкомысленным и насмешливым тоном, изобразила гримасу, показывавшую обманутое ожидание. По волнению короля она предположила, что это свидание будет иметь влияние на всю ее жизнь.

На что она надеялась? Она сама затруднилась бы сказать. Наверное, на что-нибудь великое, неожиданное, немножко страшное... А вместо этого ее просто привели сюда, как девочку.

Но тетка не дала ей времени предаваться горьким размышлениям.

– Девица де Монморанси, государь, знает очень хорошо свои обязанности и будет всегда очень рада находиться в присутствии вашего величества... Кланяйтесь, племянница!

Шарлотта заметила сквозь темноту глаза короля, устремленные на нее, и кокетство одержало верх над досадой. Она сделала хорошенький реверанс, такой хорошенький, что Генрих онемел от восторга.

Он заговорил только тогда, когда услышал, что Бассомпьер, которого тревожило это молчание, завертелся в своем убежище.

– Я призвал вас, чтобы узнать о здоровье коннетабля.

– О! Государь, он очень страдает, и единственное утешение его страданий составляет мысль, что он болен в одно время и одной болезнью с вашим величеством.

– А! Это утешает его... Это странно, а меня вовсе не утешает то, что у коннетабля подагра.

– Государь, это оттого, что вы король, а он подданный и что, возвышаясь до вас... через... Словом, при мысли, что боль заставляет его подниматься, между тем как она заставляет спускаться...

– Не кончайте – вам трудно будет выпутаться. Намерение зачтется вам.

– Все мои намерения стремятся к услуге и славе...

– Не начинайте, а то мы не кончим никогда...

– Однако, государь, я была бы рада дать вашему величеству доказательство чувств...

– Я знаю всю вашу лесть...

– О! Государь, я в отчаянии, что ваше величество считаете лестью слова...

– Ну хорошо... Я беру назад свое слово.

– Я узнаю справедливость вашего величества.

– Черт... Котон меня возьми! Довольно!!!

Благородная дама остановилась в изумлении, а король, ловко воспользовавшись той минутой, когда она закрыла рот, обратил разговор на предмет, нужный для него.

– Я узнал только сегодня утром, что коннетабль серьезно болен. Это известие принес мне Бассомпьер...

Он остановился, чтобы посмотреть, какое действие произведет на девицу де Монморанси имя ее жениха. Но она не пошевелилась, а герцогиня Ангулемская как будто онемела от испуга, и, кроме необыкновенного треска, который раздался за кроватью, никто не ответил королю. Генрих был принужден пойти далее.

– Бассомпьер был очень печален. Он говорил, что если бы не это нездоровье, то свадьба его уже совершилась бы.

То же молчание.

– Это замедление неприятно для него, потому что меня стараются отговорить от этого союза... Вы знаете, герцогиня, что меня стараются отговорить?

На этот прямой вопрос герцогиня сочла своей обязанностью отвечать:

– Действительно, государь, де Бульон очень против этого...

– Он и еще другие... Не далее как вчера Сюлли представлял мне, что принц – единственный жених во Франции, приличный для девицы де Монморанси.

Шарлотта де Монморанси слушала очень внимательно, но ни словом, ни движением не обнаруживала другого чувства, кроме любопытства.

– Принц Конде! – воскликнула тетка, пораженная этой мыслью.

– Да... Но вы понимаете, что я не намерен мешаться в это... Коннетабль выбрал зятя, который ему нравится, и я счел бы преступлением пойти наперекор наклонности девицы де Монморанси.

Девушка покраснела, опустила глаза и не отвечала ничего.

Герцогиня Ангулемская заговорила вместо нее:

– Коннетабль, государь, выбрал Бассомпьера, но я не сомневаюсь: если бы он знал, что другой выбор может быть приятен вашему величеству...

– Я не этого хочу... Я полагаю, что ваша племянница любит Бассомпьера...

Король, задав этот вопрос самым равнодушным тоном, ударил кулаком по кровати, предупреждая Бассомпьера, что критическая минута настала и что надо слушать внимательно.

– Моя племянница, государь, знает слишком хорошо свои обязанности к вашему величеству...

– Довольно комплиментов... Притом я спрашиваю не вас, позвольте отвечать вашей племяннице... Скажите мне откровенно: приятно вам выйти за Бассомпьера?

Шарлотта де Монморанси казалась в большом смущении. Она со странным видом смотрела то на короля, то на тетку и наконец прошептала вполголоса:

– Это воля моего отца, и если он назначил мне господина де Бассомпьера, то, значит, я должна быть счастлива.

– И... – спросил Генрих, голос которого дрожал от волнения. – Вы не имеете другого чувства?

– Какого чувства, государь?

– Чувства, которое... Словом, вы не будете печальны, если узнаете, что другой должен заменить Бассомпьера?..

– Я сделаю все, что мне прикажет мой отец.

Король до того был восхищен этим ответом и равнодушным тоном дочери коннетабля, что начал под одеялом колотить кулаками и ногами. Герцогиня Ангулемская вдруг вскочила.

– Боже мой! Государь, слышите ли вы, пушечная стрельба?.. Это гугеноты берут Париж.

- Где это пушечная стрельба?
- Сию минуту... Вдали...
- Вам пригрезилось.
- Совсем нет, я в этом уверена... Боже Всемогущий, сжался надо мною!
- Повторяю, вам пригрезилось...
- Извините меня, государь, я очень хорошо слышала. Это пушка...
- Я знаю, что это не пушка!..
- Если ваше величество уверяете, я должна верить...
- Верьте и не бойтесь...

Благородная дама, рассердившись, что король смеется над ее испугом, приняла самый величественный вид.

– Ваше величество, позвольте мне напомнить, что нас ждет королева...

– Ступайте, герцогиня, я вас не удерживаю... Скажите коннетаблю, чтобы он спешил выздоравливать, потому что, как только он встанет, я буду с ним говорить о некоторых планах...

Герцогиня Ангулемская сделала глубокий реверанс, три шага назад, опять присела, опять сделала три шага и, приседая и делая все по три шага, вышла задом из комнаты.

Когда дверь затворилась за нею, король услышал, что она бранила племянницу и упрекала ее колким и визгливым голосом, что та пропустила два реверанса и своей небрежностью к правилам этикета чуть не обеславила имя Монморанси.

Бассомпьер не шевелился.

– Ты умер, Бассомпьер? – закричал король.

Ответа не было.

– Ты сегодня выйдешь или завтра?

Занавес приподнялся, и полковник швейцарцев вышел с таким пристыженным и расстроенным видом, что король не мог удержаться от смеха.

Они глядели друг на друга несколько минут, не говоря ни слова.

– Ты слышал?

– Слышал...

– Твое мнение?

– Мое мнение? Скоро предстоит объявлять о браке Шарлотты де Монморанси.

– С кем?

– С принцем Конде.

– Ты отказываешься, Бассомпьер... Стало быть, ты уже не так уверен, что она тебя любит?

– Уверен, уверен... – Бассомпьер закрутил усы, потом, гордо выпрямившись и с победоносным движением руки, продолжал: – Разве можно знать когда-нибудь, что заключается в сердце девочки?

– Итак, несмотря на эти слова, ты думаешь?..

– Эти слова... Что значат эти слова?

– Экий ты хвастун...

– Ваше величество слишком добры!..

– Но если ты думаешь, что она тебя любит, стало быть, ты не отказываешься?..

– О! Это другое дело. Я порядком надумался, сидя там, и отказываюсь от такой опасной чести. Если угодно принцу, это его дело...

– Ты думаешь, что он согласится?

– Он очень способен... Впрочем, самое благоразумное, кажется, не говорить ему, в чем дело... Неужели вы думаете, что это прельстит кого-нибудь? Меня еще мороз подирает по коже от ваших признаний.

– Бедный Бассомпьер! А я это сделал из дружбы к тебе! Ты друг, и я никогда не захотел бы, не предупредив тебя заранее...

– Благодарствуйте, государь... Однако, если бы вы захотели избавить меня...

– Нет, это невозможно. Я после невольно стал бы тебя ненавидеть... Однако я не тиран, я постараюсь забыть; если ты непременно хочешь, женись.

– Нет, нет, нет, нет... Я все отдам для вас, государь, мое имя, моя жизнь – все ваше... но это – нет...

Король, которого болезнь сделала впечатлительнее и который уже целый час выносил волнения свыше своих сил, бросился, заливаясь слезами, на шею к Бассомпьеру.

– Я знаю, что ты мне предан, ты любишь меня, ты не слушаешь всех этих неблагодарных, всех этих изменников, которые находят, что я живу слишком долго, и хотели бы освободиться от меня, потому что я стесняю их планы!

– Государь, не думайте...

– Неужели ты воображаешь, будто я не знаю, что происходит вокруг меня?.. Я должен бы наградить тебя, а вместо этого отнимаю у тебя жену... Но эта любовь сильнее меня, она завладела мною, я не имею сил сопротивляться ей... Это мое последнее утешение, это моя последняя надежда; только думая о ней, только смотря на нее, успеваю я забывать мои горести... Прости мне горесть, которую я тебе причиняю...

Бассомпьер растрогался, слеза медленно покатила по его щеке... Но он быстро тряхнул головой, как человек, который хочет прогнать грусть, и принял решительный вид.

– Мужайтесь, государь... Решено – так решено, и все будет прекрасно...

– Теперь ты уже больше не будешь жаловаться на меня... С тобой будут обращаться, как с принцами крови, и завтра же герцогство Омальское...

– О нет, государь, я не могу жениться на девице де Монморанси и не хочу жениться на девице д'Омаль.

– Однако...

– Я решился, решился твердо... я совсем не женюсь.

С этими словами, произнесенными очень серьезно и тоном почти торжественным, Бассомпьер поклонился и удалился быстрыми шагами.

«Неужели он действительно влюблен? – подумал Генрих, смотря ему вслед.

VI

Бассомпьер медленно спустился с лестницы, закутался в плащ, который подал ему внизу лакей, и вышел.

Он шел, потупив голову и надвинув шляпу на глаза. Он не видел кареты герцогини Ангулемской, которая стояла на большом дворе, и попал в середину толпы лакеев.

Узнав ливрею Монморанси, он быстро повернул в другую сторону.

Но на другой стороне шел патруль швейцарцев сменять часовых.

При виде своего полковника солдаты мгновенно остановились и отдали честь, а трубачи заиграли блистательный марш.

Раздраженный, взбешенный Бассомпьер заткнул себе уши и убежал, оставив своих швейцарцев вне себя от удивления.

Бассомпьер выбежал из Лувра, но вдруг остановился, почувствовав на плече тяжелую руку. Он обернулся и задрожал, очутившись лицом к лицу с Малербом.

У поэта в этот день был какой-то насмешливый вид, несвойственный ему; его маленькие глазки сверкали, как карбункулы.

Бассомпьер угадал, что хитрый нормандец, сделавшись поверенным короля, знал о его несчастье и намеревался отомстить за все шуточки, которые переносил от него. Ему очень захотелось убежать.

Но Малерб крепко держал его за руку и не расположен был отпустить.

– Куда вы бежите таким образом, любезный Бассомпьер? У вас такой унылый вид! Не случилось ли с вами чего-нибудь неприятного?

– Ничего, ничего... Но мне некогда...

– Если бы вы знали, как я рад встретиться с вами!

– Очень лестно... Но мне надо идти, очень далеко...

– О! Я вас не оставляю... Мы пойдем вместе.

– Я иду за мост...

– Тем лучше, это мне по пути...

– Нет, вы шли в Лувр...

– Я после туда вернусь. Решительно, у вас весьма расстроенный вид.

– Ничего...

– Меня обмануть нельзя... Я уверен, что с вами случилось что-нибудь неприятное...

– О!

Бассомпьер сделал знак нетерпения, такой грозный, что Малерб счел за лучшее не настаивать.

Он шел, запыхавшись, возле своей жертвы, которая делала огромные шаги в надежде ускользнуть.

Они дошли до берега Сены. Бассомпьер остановился на минуту в нерешимости и перешел через мост. Поэт искусно воспользовался минутной остановкой, чтобы перевести дух.

– Любезный господин де Бассомпьер, – продолжал он, – вы не можете вообразить, до какой степени я рад встрече с вами... Я непременно желаю знать ваше мнение о стихах, которые король приказал мне сочинить и которые я несу к нему... Вы слышите?

– Да, слышу.

– Надо вам знать, что король теперь влюблен в одну удивительную красавицу... Вы, может быть, желаете узнать, кто она?

– Нет.

– Тем лучше, потому что мне запрещено вам говорить... Кажется, вы знаете ее очень хорошо... Я назвал ее в своих стихах Орантой... Вам нравится имя Оранта?

– Нравится.

– Оранта, то есть та, которая находится в полном цвете молодости и красоты... Короля я назвал Алкандром... Алкандр – значит сильный и мужественный человек.

Бассомпьер не слушал. Он услышал стук тяжелой кареты, величественно приближавшейся. Он остановился, узнав карету герцогини Ангулемской, и стал в стороне под навесом лавки парфюмера.

В этой тяжелой карете легко могли бы поместиться восемь человек. Теперь там сидели только герцогиня Ангулемская и ее племянница. Герцогиня Ангулемская в правом углу, прислонившись к подушкам, дремала. В левом углу Шарлотта де Монморанси, задумавшись, подпирая подбородок рукой, машинально смотрела на дома и прохожих.

Она вздрогнула, увидав Бассомпьера, который, смотря на нее страстно, приложил руку к сердцу и сделал вид, будто становится на колени. Она ответила очень холодным поклоном и опустила маленькую кожаную занавеску, привешенную для того, чтобы скрывать от нескромных глаз внутренность этого ходячего монумента.

Бедный обожатель остался на месте с жалобным и расстроенным видом, совершенно ошеломленный тем, что прелестная Шарлотта де Монморанси не ответила иначе на его красноречивую пантомиму.

– Неужели в самом деле она меня не любит? – сказал он вполголоса после минутного размышления. – Неужели король одержал надо мною верх?.. Это невозможно...

Насмешливый хохот заставил его повернуть голову. Он увидел позади себя Малерба, о котором забыл и который присутствовал при всей сцене. Несчастный влюбленный с гневом сжал кулаки и пошел еще скорее прежнего. Но он имел дело с упрямым, твердо решившимся поставить на своем.

– Я вам не пропел еще моих стихов, – сказал Малерб, догоняя Бассомпьера, – я очень ими доволен... Вы не знаете, в нем дело? Оранта и Алкандр разлучены.

– Оставьте ли вы меня в покое? – закричал грозным голосом Бассомпьер, который вышел из терпения и остановился, скрестив руки с страшным видом. – Ваш Алкандр – смешной старичишка, слышите ли вы? А ваша красавица Оранта... шлюха!..

После этой прекрасной выходки он повернулся и бегом бросился к мосту.

– А! Он сказал: смешной старичишка, – пробормотал Малерб, глядя вслед Бассомпьеру с насмешливым видом.

Освободившись от своего преследователя, Бассомпьер замедлил шаги, поправил костюм, растрепавшийся от этого бешеного бега, и, повернув голову, приметил на пороге лавки молоденькую и хорошенькую торговку, которая, встретившись с его взглядом, потупилась, покраснела и медленно вошла в лавку.

Видя, что она исчезла, Бассомпьер сделал движение со своей стороны, но после минутной нерешимости продолжал путь большими шагами к улице Гашет.

В конце моста он обернулся. Лавочница опять стояла на пороге и следила за ним глазами. Опять она спряталась, и опять Бассомпьер остановился в нерешимости...

На этот раз нерешимость была продолжительна; он машинально сделал три шага назад, потом передумал и сделал пять шагов вперед, потом, наконец, остался неподвижен и стал крутить свои усы с озабоченным видом.

На колокольне собора Парижской Богоматери пробило полдень. При первом ударе Бассомпьер вздрогнул.

– Уже! Надо идти к коннетаблю, а не то...

Он бросил последний взгляд позади себя. Улыбаясь и краснея, лавочница показалась снова.

На этот раз он не выдержал, быстро повернул и подошел с решительным видом к лавке, рассматривая ее сверху донизу и стараясь увидеть очаровательное личико лавочницы за грудой материй, наваленных на узком окне, – этакой непреодолимой баррикадой для нескромных взоров.

Не видя никого, Бассомпьер решительно вошел. В лавке царствовал полусвет, так что можно было увидеть женщину за прилавком.

Он пошел в ту сторону, натываясь на тюки, и, приподняв шляпу, с обольстительной улыбкой сказал:

– Сударыня, простите человека, которого ваши прелестные глаза...

– Что вам угодно? – спросил пронзительный голос.

Обольститель остался разинув рот и вытаращив глаза: перед ним сидела беззубая старуха, смотревшая на него сквозь очки с недоверчивым видом.

– Что вам нужно? Что вы спрашиваете? Надо было отвечать.

– Я спрашиваю... я спрашиваю...

– Может быть, носовые платки...

Бассомпьер ответил не задумавшись:

– Конечно... носовые платки...

– Большие, средние, маленькие?.. У меня есть во все цены: в три су, пять, семь, десять, даже в два ливра.

– Я предпочту в три су.

Старуха сделала презрительное движение и начала раскладывать на прилавке материю, на которую Бассомпьер не смотрел, заботясь увидеть, в каком углу скрывается девушка, которую он видел в дверях.

– Сколько вам отрезать? Дюжину, две, три, четыре?

Бассомпьер машинально наклонял голову.

Через четверть часа, не обнаружив никого, он обернулся и увидел, что старуха, вооружившись длинными ножницами, разрежала материю на квадратные куски; три высокие горы носовых платков, доходившие почти до потолка, лежали на прилавке. Он вскрикнул от удивления:

– Я этого не покупал!

– Извините...

– Это невозможно... Тут будет сморкаться мне и моим потомкам на три столетия!

– Это не мое дело... Теперь довольно?

– Довольно? Слишком много. Я ничего не возьму...

– Вы возьмете все... Вы выбрали.

– Я ничего не выбрал.

– Да!

– Нет...

– Вы сделали знак головой.

– Я не делал знака... Во-первых, я пришел сюда не затем, чтобы покупать носовые платки.

– Зачем же вы пришли?

– Это не ваше дело.

– Вот как!.. Я это подозревала – вы вор.

– Я – вор?!

– Караул! Вор! Вор! Караул!

– Замолчите ли вы, я вам объясню...

– Караул! Вор!

Раздраженный Бассомпьер, не зная, как заставить ее замолчать, ударил кулаком в грудь носовых платков, возвышавшихся между ним и старухой, и та исчезла под обрушившейся кучей платков. Крики ее еще усилились. Она теперь кричала:

– Убивают!

Маленькая дверь, находившаяся в глубине магазина, отворилась, и человек, одетый чрезвычайно щеголевато, с обнаженной головой, без плаща, бросился на Бассомпьера, который хотел уже обратиться в бегство. Они посмотрели друга на друга.

– Кончини!

– Бассомпьер!

Удивление сделало их неподвижными и безмолвными, как статуи. Старуха, все под кучей платков, продолжала кричать.

– Не тревожьтесь, – успокоил друга глухо Кончини, – эта женщина сама не знает, что говорит, я заставлю ее замолчать!

Он указал рукой на дверь.

– Вы можете идти, и я даже советую вам сделать это, прежде чем взбунтуются соседи...

Когда Бассомпьер вышел из лавки и услышал, что дверь заперлась за ним, он машинально поднял глаза на вывеску, на которой были представлены два ангела, безобразно размалеванные. В первом этаже тихо отворилось окно, высунулась белая рука, и записка, сложенная вчетверо, спустилась на землю. В записке стояли только эти слова: «В девять часов, на Разменном мосту». Бассомпьер поднял, прочел, и все это продолжалось не более нескольких секунд.

Приподняв голову, он очутился лицом к лицу с толпой соседей, которых привлекли крики старухи и которые рассматривали его с любопытством.

Он оттолкнул их, бросился бежать и остановился шагов через триста, спрашивая себя: «Что мог там делать фаворит королевы?»

Во весь этот день он не думал более о Шарлотте де Монморанси.

VII

Пока Бассомпьер переживал эти приключения, король в Лувре велел призвать к себе Сюлли, который сделался самым верным, самым мудрым советником короля.

Годы еще увеличили серьезный вид, который в молодости, при веселом дворе короля Наваррского, наградила его прозвищем Пугало. Его длинная седая борода, совершенно голый череп, чопорная и торжественная походка, жеманный костюм устарелого фасона и потертой наружности делали его постоянным предметом шуток при дворе и находили пощадку только в глазах короля, нежность и доверие которого к Сюлли были неограниченны.

Но Генрих был еще молод сердцем и духом; он любил окружать себя молодыми людьми; он любил, чтобы вокруг смеялись, и строгие лица пугали его. Старый слуга часто был забываем в Арсенале, где проводил дни и ночи за прилежной работой и куда король отправлялся к нему, когда хотел говорить с ним о государственных делах, когда капризы Марии Медичи или дерзости Кончини выгоняли его из дворца. Тогда разговаривали о прошлом, о том времени, когда молодой Росни подвергался приключениям на больших дорогах во Франции, вслед за королем Наваррским...

Сюлли призывали в Лувр только в важных случаях. Поэтому он явился в большом волнении, зная, что король выздоравливает, и предполагая, следовательно, что случилось какое-нибудь важное политическое или, может быть, домашнее событие.

Но беспокойство его было непродолжительно, потому что, как только он вошел в комнату короля, тот весело приподнялся на кровати.

– Ты знаешь новость, Сюлли? Он отказывается! Он отказывается!

– Кто отказывается?

– Бассомпьер... Он не женится на девице де Монморанси.

– В самом деле! И это все?

– Да... Чего же еще ты хочешь?

– Да благословит вас Господь, государь!.. Этого я уже не ожидал... Вы заставляете меня бежать сюда, вы мне кричите: он отказывается! Я воображал, что герцог Савойский отказывается от Ломбардии... Вместо этого Бассомпьер... Тем хуже, я опять попался; лучше бы мне оставаться в Арсенале составлять итог налогов...

– Не сердись; ты теперь все ворчишь... Мы поговорим, и твои страшные цифры подождут.

Сюлли подумал с видом человека, который принимает важное решение.

– Если я уж пришел, то лучше поговорить с вами об одном предмете, который я откладываю уже несколько дней.

– Хорошо, ты мне это расскажешь... Выслушай прежде, что я решил. Я выдам Монморанси за Конде... Чему ты смеешься?

– Я не смеюсь... я кашляю.

– Станный способ кашлять... Будь откровенен; ты думаешь, что я устраиваю этот брак, потому что Конде дурак, совершенно не знающий женщин и которого можно водить за нос...

– Однако, государь...

– Но ты забываешь, что ты сам советовал мне устроить этот брак, что ты сам две недели тому назад находил вместе со мною, что возражения де Бульона были очень благоразумны и что

девица де Монморанси – единственная невеста во Франции, приличная для принца Конде... Ты даже прибавил, что нельзя и думать позволить ему жениться на девице де Майен, дочери Гиза... Правда это?

– Правда... Я считаю этот брак очень полезным для государства...

– Ну, когда так?

– Решительно вы сегодня не в духе... Но я хочу быть снисходителен. У вас готово нравоучение, я даю вам право прочитать его мне...

– У меня нет больше нравоучений, государь; я все истратил понапрасну...

– Вы таинственнее иезуита, мой милый! Хотите хоть один раз выказать мне глубину ваших мыслей? Одобрите вы этот брак, да или нет?

– Одобряю, государь.

– Это большое счастье... Ну, когда так, не будем об этом говорить.

– Напротив, будем... Еще надо праздновать свадьбу?

– Хорош вопрос! Как будто первый принц крови может жениться на Монморанси без того, чтобы не праздновать свадьбы!

– Еще издержка, которая порядочно опорожнит вашу шкатулку...

– Мою шкатулку!.. А деньги с пошлин! Вы становитесь несносны, Сюлли...

– Очень сожалею, государь, но я обязан напомнить вам, что деньги с пошлин назначены на первые издержки войны...

Лицо короля омрачилось.

– Война еще далеко, – сказал он.

– Для чего вы откладываете ее, государь?

– Могу ли я поступать иначе?.. Властен ли я в моих поступках? Все здесь соединились против меня. Это всеобщий заговор, и мне не дают времени исполнить мои планы. Даже в моем семействе... – Он остановился, потом тряхнул головой, как бы желая прогнать мучительную мысль, и продолжал: – Мы после поговорим об этом... Лучше расскажи мне, что ты хотел сказать.

– Ах! Государь, я боюсь, что известие, принесенное мною, растравит ваши горести.

– Дело о Кончини, не правда ли?

– Да...

– Я так и думал... Что он еще сделал?

– Он хочет купить Ла-Ферте.

– Ла-Ферте! – вскричал король, вздрогнув. – Но это княжеское поместье, Ла-Ферте стоит миллион!

– По крайней мере, государь... между тем, как ваш народ умирает с голоду, когда на парижских улицах десять тысяч человеческих существ не имеют куска хлеба, чтобы утолить голод, ни полена дров, чтобы согреться, когда королевская казна пуста, когда недостаток в деньгах мешает вам исполнить самые дорогие ваши планы, обеспечить величие и первенство Франции, итальянский искатель приключений, приехавший сюда нищим, находит миллион, чтобы покупать княжеские поместья...

Король, потупив голову, казался погруженным в глубокую задумчивость.

– Боже мой! – пробормотал он. – Что они сделают с Францией и с престолом моего сына, когда меня не будет?

– Для чего предвидеть?

– Разве я бессмертен? Притом ты знаешь предсказание...

– Можете ли вы верить подобным глупостям?

– Кто знает, что может случиться!.. Но слава богу! Я еще жив, и они должны ждать...

Этого скандала не будет, если б мне пришлось казнить...

– Не надо сильных мер, государь...

– Однако я не могу позволить... Послушай. Ступай сейчас к королеве; это ведь опять от нее удар... Скажи ей, что я запрещаю...

Сюлли сделал такую гримасу, что король остановился.

– Ты боишься?..

– Боюсь... Нет, не то... Но я уже вам сказал, что я не признаю сильных мер и...

– И...

– Предпочел бы другое поручение.

– Все равно; скажи ей, что это возбудило толки, что это неприлично; все, что найдешь нужным. Поверни дело по-своему, но хорошенько растолкуй ей, что этого нельзя; понимаешь?

– Совершенно, государь, но не думаете ли вы, что другой, пользующийся более меня расположением королевы, Бельгард, например, или Бассомпьер...

– Нет, нет, это будет замедлением... Притом я желаю, чтобы именно ты... потому что они не любят тебя...

– Хорошо, государь, иду!..

– Ла-Ферте, это уже слишком!.. Так ему мало властвовать здесь вместо меня! Надо еще...

Сюлли, видя, что король не обращает внимания на него и что повиноваться надо, повторил во второй раз:

– Иду, государь, иду!

Он вышел из комнаты торжественнее и чопорнее прежнего.

VIII

Мария Медичи разговаривала с Кончини, когда паж, приподняв портьеру, доложил громко, что герцог де Сюлли желает иметь честь быть принятым королевой.

– Сюлли!.. Здесь!.. Точно ли?

– Он сам назвал себя.

– Что же случилось? Он пришел с поручением?

– Он не сказал ничего.

Итальянец сказал пажу отрывисто:

– Впусти.

Паж опустил портьеру и тотчас ее приподнял.

Королева и ее фаворит инстинктивно придвинулись друг к другу, как бы боясь опасности, и успели только обменяться быстрыми взглядами.

Сюлли остановился у дверей и низко поклонился. Под его торжественной походкой и несколько спесивым видом проглядывало замешательство, даже боязнь.

Наступило довольно продолжительное молчание, будто каждый из трех действующих лиц в этой сцене боялся заговорить.

Мария Медичи начала говорить первая. В голосе ее было волнение.

– Какое происшествие привело вас сюда? Королю не сделалось хуже?

– Вовсе нет; здоровье его величества, напротив, значительно улучшилось... Я принес вам поручение короля...

– Поручение!.. Почему же, если он желает говорить со мною, не позвал он меня к себе?

– Не знаю...

– А!.. Какое же это поручение?

Сюлли не отвечал и взглянул на Кончини. Королева с гневом топнула ногой.

– Я позволяю синьору Кончини оставаться.

– Однако...

– Я хочу, чтобы он слышал то, что вы скажете мне...

– Как вам угодно.

– Ее величество позволяет мне оставаться, – сказал Кончини. – Я тем более признателен королеве, – прибавил он, окидывая Сюлли с ног до головы презрительным взглядом, – что, если я не ошибаюсь, ваше поручение касается меня.

Сюлли повернулся к нему спиной и обернулся к королеве.

– До короля дошли слухи, что синьор Кончини намерен купить Ла-Ферте...

– Что я вам говорил? – сказал Кончини с насмешкой. – Я угадывал по угрюмому виду герцога, что дело идет обо мне...

– Молчите! – сказала королева с благосклонным видом. – Дайте говорить господину де Сюлли; вы будете отвечать после.

Итальянец с досадой раскинулся на огромном кресле и сделал Сюлли знак рукой.

– Продолжайте...

– Я имею честь говорить с ее величеством, а не с...

– Хорошо, хорошо, – перебила Мария Медичи, – я слушаю вас.

– Я сказал уже вашему величеству, что король узнал о намерениях синьора Кончини и поручил мне выразить вам свое неудовольствие.

– Свое неудовольствие, мне! Но разве это касается меня? Для чего он не обращается к синьору Кончини?

– Он предполагает, что замечание с вашей стороны будет лучше принято...

– Это насмешка?

– Нет... но расположение вашего величества к синьору Кончини...

– Я отдаю свое расположение кому хочу и не желаю, чтобы мне мешали выбирать моих слуг. Прошу вас передать эти слова королю и самому помнить их...

– Я не знаю, чему обязан этим предостережением...

– Если вы меня не понимаете, то я понимаю сама себя... А теперь, если мой царственный супруг желает сделать меня посредницей его неудовольствий, скажите мне, в чем дело.

– Дело идет о покупке Ла-Ферте...

– Вы уже говорили об этом... сколько раз еще будете вы повторять?

– Последний, если вы удостоите выслушать меня.

– Мне кажется, я слушаю вас уже полчаса... Я полагаю, король назвал вам причины своего неудовольствия?

– Франция бедна; большие дороги покрыты несчастными, у которых нет ни крова, ни одежды, ни пищи, которых нищета доводит до самых опасных крайностей. Парижский народ умирает с голоду, и в последний выезд его величества целые толпы неимущих собрались около его кареты и громкими криками требовали хлеба...

– Эта картина очень печальна... но какое отношение имеет она к тому, что вас привело?

– Король опасается, что в настоящую минуту эта покупка произведет неприятное впечатление и его народ станет роптать.

– Какое смешное опасение!.. Народ станет роптать... Уж не умирать ли нам с голоду, чтобы доставить удовольствие французским нищим?

– Ваше величество не так понимает меня... Дело идет о ваших собственных интересах, и опасение огласки...

– Огласки!.. Где вы видите тут огласку, позвольте спросить?

– Народ увидит...

– Я уже вам сказала, что не забочусь о мнении черни... Я не знаю, какую странную роль играете вы здесь, господин де Сюлли... Вы осмеливаетесь говорить мне об огласке... Перестаньте, пожалуйста, объясняться загадками и скажите мне, о какой огласке вы шумите так.

– О состоянии синьора Кончини... Это состояние позволяет ему тратить миллион на покупку поместья, когда все французское дворянство разорено, когда буржуазия страдает.

– Разве запрещено иметь состояние в настоящее время?.. Притом синьор Кончини иностранец.

– Вся Франция это знает... Вся Франция знает также, что, когда он приехал сюда в свите вашего величества девять лет тому назад, у него не было ничего в кармане...

Мария Медичи сделала два шага к Сюлли, протянув руку; глаза ее сверкали гневом.

– А! Вы сказали наконец!.. Вот чего вы не осмеливались сказать прежде... Вот что вы осмеливаетесь повторять каждый день королю, что вы осмеливаетесь распространять в публичке... Неужели вы думаете, что я не знаю ваших проделок?..

Мария Медичи остановилась, и ее запальчивость вдруг стихла. Старый министр, сначала боязливый, почти робкий, гордо поднял голову, когда разразилась гроза. Он часто говорил жестокие истины Генриху IV и научился пренебрегать королевским гневом. Отрывистым и резким голосом, высоко поднимая голову, без смущения и фанфаронства он отвечал:

– Я уже имел честь заметить вашему величеству, что я буквально передаю поручение короля...

Кончини, равнодушно и насмешливо присутствовавший при начале разговора, и лицо которого мрачнело мало-помалу, по мере того как разговор принимал тон более неприятный для него, встал с дерзкими движениями. Но решительный вид и презрительная надменность Сюлли заставили его одуматься, поэтому он только бросил на него взгляд, полный ненависти, и опять сел, не сказав ни слова.

Королева обратилась к Сюлли:

– Вы, может быть, правы... Я не стану стараться узнавать, кто мог вбить в голову короля подобные идеи... Если вам дано это поручение, отвечайте королю, что синьор Кончини властен располагать своим состоянием, что он распоряжается им как хочет и что я не считаю себя вправе вмешиваться в его частные дела.

– Могу ли я, по крайней мере, сказать королю, что ваше величество постараетесь не допустить...

– Опять!.. Эта настойчивость...

– Внушена участием к пользе вашего величества... Народ не привык отделять имени королевы от имени Кончини и припишет престолу ответственность за неблагоразумие...

– Пусть народ делает что хочет – неужели надо вам это вечно повторять?.. Притом он знает, что думать... Очень мне нравится забота короля о достоинстве престола, и я очень сожалею, что он не всегда думал так... особенно в то время, когда хотел посадить на этот престол Габриэль д'Эстре... и мало ли еще кого!..

– Король мог делать ошибки, но народ от этого не страдал.

– Как же пострадает народ, позвольте спросить, если синьор Кончини купит Ла-Ферте?

– Народ не должен знать в это время нищеты и голода, как щедро награждала королевская рука иностранного фаворита.

– Но кто может помешать мне награждать моих слуг? Скажите мне, совестится ли король расточать деньги своим любовницам?

– Король не расточает по весьма основательной причине: у него нет денег...

Кончини вполголоса сказал что-то по-итальянски; слова его поразили королеву; она взглянула на него, потом пристально посмотрела на Сюлли.

– Извините, – сказала она с притворной вежливостью, – что я не поняла раньше цели вашего посещения... Его величество желает, без сомнения, заставить меня наполнить его шкапу.

Министр сделал движение, но королева не дала ему времени раскрыть рот.

– О! Вы напрасно трудились... Я принесла ему приданое, слава богу, довольно значительное, и не моя вина, что половина была уже промотана, когда я приехала... Я сделала достаточно, и не мне поправлять беспорядочное состояние финансов...

– Беспорядочное состояние финансов! – вскричал Сюлли, задыхаясь от гнева.

Сдавленный хохот напомнил ему о присутствии Кончини и внушил непримиримое желание мщения. Старый министр вдруг сделался спокоен, отвесил низкий поклон и сказал совершенно хладнокровно:

– Ваше величество не так перетолковали мои слова. Поручение, данное мне королем, имело очень простую цель... Король поручил мне напомнить вам, что Ла-Ферте – владение княжеское и что как глава французского дворянства и хранитель своей чести он ни в каком случае не может позволить синьору Кончини купить это поместье.

Он поклонился еще раз и направился к двери. Но оскорбление на этот раз было слишком явно выражено, и Кончини потерял хладнокровие. Он бросился и остановил Сюлли за руку.

– Очень советую вам не брать на себя подобных поручений.

– Очень жалею, что не могу исполнить вашего желания... Я буду повиноваться моему государю...

– Ну, если вы так любите служить посредником, потрудитесь отнести мой ответ.

– Какой ответ? Я, кажется, ничего вам не передавал и обращался к одной королеве...

– Это все равно, вы понимаете меня... Речь идет обо мне; все ваши слова увеличивают оскорбления, которыми осыпает и меня ненависть короля...

– Мне никакого нет дела до ваших оскорблений...

– Тем лучше, потому что вы скорее поймете, что и я также пренебрегаю ими... Это-то я и прошу вас повторить королю... Скажите ему, что если он хочет борьбы, то я вступлю в нее, что я его не боюсь, что я иду ему наперекор... иду наперекор, слышите ли вы? И что если он пошевелится, то с ним случится несчастье...

Сюлли вздрогнул.

– Хорошо... Будьте уверены, я сейчас же повторю все это королю.

Он вышел, не повернув головы. Оставшись одни, королева и итальянец обменялись странными взглядами.

– Кончини, – сказала Мария Медичи тихим голосом, – вы заходите слишком далеко... Я уже сто раз говорила вам, что вашим неблагоразумием вы дадите возможность догадаться.

– Что за беда!.. Так не может продолжаться долее, пора прекратить это тиранство.

Мария Медичи не отвечала; погруженная в глубокое размышление, она сидела, опустив голову. Фаворит стал перед нею.

– Помните, о чем мы говорили, когда этот презренный старик прервал нас? Надо ждать?

– Не знаю...

– Вы еще не решились... еще не довольно оскорблений! До чего должен он довести свои обиды и презрение к вам? Отвечайте; я должен знать, могу ли остаться здесь или мне отправиться в Италию...

Королева оставалась с минуту в задумчивости, сложив руки, как будто молила Бога внушить ей ответ, потом, тряхнув головой с решительным видом, встала.

– Нет, я не колеблюсь более... Я и так слишком долго терпела...

– Узнаю вас наконец...

– Вы видели герцога Эпернонского?

– Он наш... Король запретил ему самовольно собирать пошлину и в то же время отнял у него Мец... Д'Эпернон, пораженный и в своем состоянии и в своем могуществе, поклялся отомстить...

– А эта женщина?

– Генриетта д'Антраг? Ее ненависть к королю доходит до бешенства.

– Я этому бешенству не верю... Она была слишком много любима, и в решительную минуту воспоминание об их прошедшей любви заставит ее забыть свои клятвы.

– Не думайте этого... У этой женщины совсем нет сердца; она не любила никогда... Возвышенная почти до престола, почти королева, потом брошена, забыта... она не простит никогда... Потом что мы ее держим надеждой брака с Гизами...

– Но ведь надо же, чтобы эта надежда не сделалась химерой, готовой исчезнуть... Гизы никогда не согласятся; все их надежды обращаются на девицу де Монпансье, богачиху Монпансье...

– Гизы взбешены... Они хотят во что бы то ни стало помешать браку герцога Вандомского с девицей де Меркер, который передаст их состояние незаконному сыну короля... Выгоды всех их требуют, чтобы дела пошли по нашему желанию и чтобы какое-нибудь событие...

Кончини понизил голос, как будто боялся, что его услышат стены.

– ...Какое-нибудь непредвиденное событие, – продолжал он, – отстранило эту опасность и позволило им осуществить их намерения.

– А Генриетта?

– По окончании дела от нее можно отвязаться.

– А до тех пор?

– Ее будут забавлять ложными обещаниями... и, если понадобится, на ней женятся... Впрочем, она и не подумает требовать исполнения обещаний. На ней все будет лежать; она сначала должна примирить Гизов с герцогом Эпернонским... Это нелегко...

– Роль, которую дают этой женщине, слишком велика... Против моей воли она пугает меня...

– А до тех посмотрите, как она может быть полезна нам!

– Это правда... Пусть же она действует!.. Но уверены ли в ней, по крайней мере?

– Ручаюсь за нее, как за всех. Я уже их видел.

– Вы уже их видели! Гизы здесь?

– Нет, они должны остаться позади до последней минуты... ни герцог Эпернонский, ни Антраг...

– Вы говорили с ними?

– Да...

– Ясно?

– Довольно ясно...

– И вы не боитесь?

– Их – нет... Мне не нужно было рассказывать им подробно; они прекрасно поняли меня с полуслова... Генриетта уже сообщила мне, что у иезуитов есть под рукой молодой безумец... Мария Медичи отступила на несколько шагов; она слегка побледнела.

– Молчите, Кончини, – сказала она задыхаясь, – молчите! Есть вещи, которые я не хочу ни знать, ни слышать.

Кончини низко поклонился с насмешливой улыбкой на губах.

– В таком случае я ухожу...

– Вы опять придете?

– Вечером, конечно... Кстати, скажите мне... Сейчас, прежде чем пришел сюда, я встретил Бассомпьера там, где предпочел бы, чтобы он меня не видел.

– Где же это?

– В одной лавке на Малом мосту... Но не в этом дело. Этот ветрогон может нарушить мои планы...

– Какие планы?

– Вы их узнаете... Главное пока – привлечь его на нашу сторону.

– Это невозможно: он слишком привязан к королю.

– Полноте, он такой фанфарон!

– А! Вы вот чего желаете... Хорошо, я попытаюсь.

IX

Кончини ушел. Он направился по коридорам к большой лестнице и, проходя мимо кабинета короля, остановился на минуту и прислушался.

Слышался громкий хохот.

Генрих IV играл в кости с де Бульоном, Роклором и герцогом де Бельгардом. Он был очень весел и прерывал игру, чтобы подшучивать над Сюлли, который стоял возле игорного стола, печально опустив голову на грудь, нахмутив брови, скрестив руки, и казался подавленным тяжестью большой горести и большого неудовольствия.

Шутки не умолкали. Сюлли наклонился к королю и сказал ему очень тихо, так, чтобы играющие не услышали:

– Государь, вы помните, что дали мне поручение к королеве?

– Помню! И все жду от тебя ответа.

– Я не могу дать вам ответ при этих господах.

– Стало быть, это очень важно?

– Чрезвычайно важно, государь... Вы поймете, услышав это, что я больше расположен плакать, чем смеяться...

Генрих, несколько взволнованный, положил кости, встал и направился хромя – он в первый раз встал с постели – к амбразуре окна, где внимательно выслушал рассказ Сюлли о его свидании с королевой, об угрозах итальянца.

– Это все? – спросил он спокойно, когда Сюлли замолчал.

– Да, все, – ответил тот, удивленный этим спокойствием. – Я надеюсь, что ваше величество примете строгие меры. Это уже чересчур, надо положить конец... Дело идет не только о достоинстве короны, о государстве, о жизни, может быть...

Генрих печально улыбнулся.

– Завтра... может быть, мы подумаем.

– Завтра?..

– Увы! Мой бедный друг, я счастлив сегодня... Я чувствую, что здоровье возвращается ко мне... Дай мне насладиться спокойно моим счастьем... хорошие дни так редки!

– Но, государь, эта потеря...

– Они не посмеют... Они угрожают и только... Притом моя жизнь в руках Господа... Спокойствие, спокойствие прежде всего!

Он вернулся к своему месту у игорного стола, между тем как Сюлли, черты которого еще более омрачились, ушел, с отчаянием качая своей белой и голой головой.

X

Девять часов пробил на колокольне собора Парижской Богоматери.

Малый мост был почти пуст.

Дверь лавки под вывеской «Два ангела» тихо отворилась; женщина, закутанная в темный плащ, совершенно скрывавший ее стан, тихо вышла и, осмотревшись вокруг боязливо, направилась быстрыми шагами к центру города.

В то же время тень отделилась от стены напротив магазина и вышла осторожно, как бы боясь быть примеченной, на середину улицы.

Это был высокий и сильный юноша. Он колебался с минуту, осматривая окрестности.

– Это она, – сказал он голосом, дрожавшим от волнения. – Мариетта, в какое время!..

Он бросился бегом в ту сторону, куда пошла Мариетта.

Он скоро ее догнал, но, приблизившись, заметно замедлил шаги, шел на цыпочках, будто боялся к ней подойти... Два раза он был почти возле нее и протягивал руку, чтобы остановить ее за плащ... и каждый раз отступал.

Но она, слыша, что за нею следуют, сначала ускорила шаги, надвинув на лицо капюшон плаща, но через некоторое время, так как погоня не прекращалась, судя притом по робости преследующего ее, что он не опасен, остановилась и быстро обернулась.

– Перестаньте, пожалуйста...

– Мариетта...

– Этот голос... Как, это вы, Жан!

– Да, это я.

– Зачем вы следуете за мною? Вы подстерегаете меня?..

– Стану ли я вас подстерегать!.. Я не осмелюсь...

– Объясните же, что вы здесь делаете?..

Она с гневом топнула ногой. Голос ее был резок, отрывист, повелителен... Бедный Жан оставался безмолвен, робко мял в руках шляпу в позе виновного, просящего прощения.

– Я видел, как вы вышли, – прошептал он наконец, – и подумал...

– Вы опять шатались под моими окнами?

– Вы знаете, что все мое счастье заключается в том, чтобы смотреть вечером под окнами... так как вы не хотите принимать меня...

– Я принимаю вас каждое воскресенье... Не довольно ли этого?

– Но ваши родители выбрали меня в мужья... притом вы знаете, что я вас люблю... люблю больше жизни...

– Как мне этого не знать?.. Вы беспрестанно твердите это.

– Боже! Неужели я рассердил вас, говоря...

– Нет... потому что вы так этим хвалитесь, что мои родители выбрали вас моим мужем...

Ну что за гримасу вы скорчили?

– Извините меня, Мариетта, но вы говорите это таким странным образом... Точно этот брак вам не нравится. Это приводит меня в отчаяние!

– Если вы желаете знать, Жан, что мне не нравится, то я вам скажу: ваше смешное шпионство.

– Но я ведь должен быть вашим мужем!

– Хороша причина! У вас будет довольно времени мучить меня после... не начиная теперь.

– Боже милосердный, мучить вас, Мариетта! Но я отдал бы жизнь за то, чтобы доставить вам удовольствие...

– Это совершенно бесполезно; вы знаете, что я не требую от вас жизни.

– Потребуйте от меня всего, всего... кроме того, чтобы не видеть вас...

– Но я думаю, что вы преследуете меня теперь по улицам не для того, чтобы видеть меня; теперь ничего не видно, если только вы не видите в темноте...

– Вот вам вся правда, Мариетта... Я стоял там в надежде увидеть вас или услышать ваш голос... когда увидел, что вы вышли...

– И пошли за мною, чтобы узнать, куда я иду... И вы не называете это шпионством?

– Бог мне свидетель, что я не имел намерения... Но как ваш будущий муж, не имею ли я права знать?..

– Мой будущий муж! Не забывайте этого, Жан... когда вы сделаетесь моим мужем, вы будете иметь право ревновать... не прежде, сделайте одолжение...

– Не прежде! Но подумайте, до какой степени я вас люблю... Вы вся жизнь моя, все мое мужество... Неужели вы думаете, что я могу с удовольствием видеть прогулки этих смелых придворных ветрогонов под вашими окнами и что вы для них сохраняете ваши милые улыбки?

– Теперь упреки!

– О нет, я знаю, что вы добродетельны...

– Право, вы имеете такое мнение обо мне... Знаете ли, что это очень лестно?..

– Не смейтесь... Я должен сказать вам кое-что очень серьезное... Я бедный работник у мастера серебряных дел... Но если узнаю, что один из этих господинчиков, которые не уважают ничего и считают игрушкой честь наших дочерей и невест, увлекает вас к дурному... клянусь Богом, что он не выйдет живым из моих рук...

Робкий влюбленный, который только что не смел говорить, преобразился. Он как будто вырос, он был красноречив, почти ужасен...

Белокурая Мариетта, с губ которой исчезла лукавая улыбка, пристально смотрела на него... Она протянула ему руку.

– Бедный Жан... – сказала она.

Часы на колокольне собора Парижской Богоматери медленно пробили десять. Мариетта вздрогнула.

– Что с вами? – спросил Жан. – Я опять вас рассердил?

– Нет, но пора... мне оставить вас...

– Мариетта, еще раз повторяю, не оставляйте меня в жестокой неизвестности!.. Вы идете на свидание?.. Кто-то вас ждет?

– Да, кто-то меня ждет... Еще что?

– Ради бога, кто это? Скажите мне...

– Не скажу...

– Для чего вы заставляете меня так страдать? Если мои подозрения несправедливы, я буду просить у вас прощения на коленях...

– Мне нечего вам отвечать... Вы еще не имеете права допрашивать меня.

– Так вы хотите свести меня с ума? Послушайте, Мариетта, все это очень нехорошо... Если вы вышли с хорошей целью, вы были бы откровенны со мною, вы ответили бы мне.

– Повторяю вам, я тороплюсь... Оставьте меня!

– Мне вас оставить? Я от вас не отстану и узнаю...

– Жан, запрещаю вам... запрещаю! – повторила Мариетта повелительным тоном.

Бедный молодой человек опустил голову и не отвечал.

– Подумайте, Жан, что, если вы не послушаетесь меня, если я увижу, что вы подстергаете меня... все будет кончено между нами...

– Извините меня, Мариетта.

– Я обещала выйти за вас и выйду... Я честная девушка и хочу, чтобы меня считали такою.

– Но я никогда не думал...

– Что же значит эта настойчивость?

– Я боюсь, что...

– Чего?.. У меня есть тайна, это правда; тайна не моя... Вы, я полагаю, не требуете еще права знать мои тайны?

– О нет, никогда!

– Оставьте же меня... Но прежде поклянитесь вечным спасением вашей души, что не пойдете за мною...

– Если это неприятно вам, я не пойду.

– Не об этом речь... Клянись.

– Клянусь.

– Вечным спасением души?

– Вечным спасением души.

Он сказал эти слова вполголоса, он как будто еще колебался.

Мариетта не успокоилась. Она наклонилась к нему и сказала с улыбкой на губах, прямо смотря ему в глаза:

– Жан, хорошо... Теперь, если вы сдержите вашу клятву... завтра в награду я позволю вам провести вечер со мною.

С этими словами она убежала, оставив бедного жениха неподвижным и безмолвным; эта улыбка и это обещание ослепили его и победили его сопротивление.

Мариетта оглядывалась несколько раз, чтобы посмотреть, не следят ли за нею.

На Разменном мосту прохаживался мужчина, закутанный в плащ. Мост был почти пуст; с трудом в тумане время от времени проходил запоздалый путник.

Мариетта прямо подошла к человеку в плаще, который, увидев ее, остановился.

Они рассматривали друг друга со вниманием двух полководцев, осматривающих местность.

– Прелестное дитя, – сказал толстый голос Бассомпьера, – черт меня побери, если под этой мантилей я могу различить ваши прелести, но мое сердце – знаток и говорит мне, что вы та, которую я жду...

– Оно вас не обманывает, господин де Бассомпьер...

– Не называйте по имени, милочка... Вы тот ангел красоты, который сейчас бросил мне в окно восхитительную записочку, приглашавшую меня быть здесь в девять часов...

– Да, я и...

– Вы знаете, было назначено в десять часов?..

– Боже мой! Я очень виновата, что заставила вас ждать.

– Вы пришли, вина заглажена... Я не имею права жаловаться.

– Вы мне простите проступок, который должен был показаться вам очень смел...

– Простить вам! Что вы говорите?.. Я на коленях должен благодарить вас за милость...

– Полноте, не насмехайтесь над бедной девушкой...

– Насмехаться!.. Беру Небо в свидетели, что я на коленях...

Бассомпьер остановился среди фразы, чтобы чихнуть очень громко.

– Вы непременно желаете оставаться на этом мосту, среди этого тумана? – продолжал он совсем другим тоном.

– Нет... Но я не вижу, где нам лучше будет говорить.

– Где?.. В двух шагах отсюда... Неужели вы могли думать, что я допущу, чтобы мое божество получило насморк? Я взял у Нуаре комнату, и нас ждет ужин.

– Я предпочитаю остаться здесь.

– Не бойтесь... Все предосторожности приняты, и никто не может нас увидеть...

– Еще раз извините... я желаю разговаривать с вами здесь.

– Однако... в комнате... за ужином... нам будет разговаривать гораздо лучше.

– Бесплезно настаивать... Я с вами не пойду.

– А!..

В этом восклицании было столько удивления и обманутого ожидания, что Мариетта должна была опустить голову, чтобы не показать, как ей хотелось расхохотаться.

Бассомпьер не заметил этого и заворчал тоном досады:

– Вот еще одна хочет заставить себя просить и желает выдать себя за невинную... Как смешны эти женщины!.. Ну пусть ее!

Он раздвинул плащ, взял под руку молодую девушку и сделал несколько шагов вперед, прижимая ее к себе.

– Я не знаю, какими словами выразить вам, какое счастье почувствовал я, когда эта восхитительная записка свалилась с неба.

– В самом деле это доставило вам столько удовольствия?

– Можете ли вы сомневаться?.. Я вошел в лавку только для того, чтобы вас видеть, и пришел в отчаяние оттого, что вы убежали.

– Вы пришли в отчаяние?

– Я примечаю по вашему насмешливому тону, что вы не верите моей искренности... Это жестоко... Отвечайте мне. Почему вы мне не верите?

– Я не обманываю себя. Я простая мещанка... а вы блистательный вельможа... говорят, что все придворные дамы рвут вас друг у друга...

– А! Говорят, что все придворные дамы рвут меня друг у друга, – сказал Бассомпьер чванясь, – правда, что...

Но он тотчас почувствовал, что забывается, и вернулся к своей роли.

– Придворные дамы! Даже слепой забыл бы их возле вас... Которая осмелится показаться возле вас?.. Нет, поверьте мне, прелестная...

Говоря таким образом, он схватил руку Мариетты и, не находя в ней сопротивления, крепко пожимал ей кончики пальцев.

– Нет, верьте мне, восхитительная... Какой я несчастный! Я не знаю даже вашего имени...

– Меня зовут Мариеттой.

– Мариеттой!.. Я никогда не забуду этого имени!

– Вы забудете его в числе других.

– Беру Бога в свидетели... вы разве забудете меня.

– О нет, никогда!

– Как вы говорите это!.. Повторите, сделайте милость!

– К чему?

– Это так приятно... Но скажите мне, вы разве знали меня?

– Я видела, как вы проходили каждый день... Я узнала, кто вы.

– Из всех родов счастья, на которые я мог надеяться, самое высокое то, что я успел вам понравиться.

– Я этого не говорила...

– Разве нужно говорить? Разве сердце не говорит?.. Сердце говорит... Сердце...

Бассомпьер запутался в своей фразе. Он счел за лучшее кончить ее поцелуем.

Но при прикосновении усов лотарингца молодая девушка отбросила голову назад и довольно грубо отдалила рукой опасность.

– Это что? – спросил ошеломленный Бассомпьер. – Правда, – прибавил он вполголоса, – на улице она конфузится... Настала минута... – Он удержал руку Мариетты и самым обольстительным тоном сказал: – Вы не забыли, мой ангел, что нас ждут комната и ужин?

– Оставьте мою руку.

– Не будем медлить. Ужин остынет.

– Пожалуйста, не делайте мне подобных предложений.

– Что?

– Я не знаю даже, по какому праву?..

– Праву? А ваша записка!

– Я просто назначила вам свидание на этом мосту.

– Для начала, да... Но для конца?

– Также и для конца... Я напрасно слушала ваши любезности и забыла цель этого свидания...

– Но мне кажется, мы здесь только для этого.

– Вы – может быть, а я – нет.

– Для чего же?

– Я должна говорить с вами о серьезных делах.

– Что может быть серьезнее любви?

– Я не смеюсь... Хотите или нет выслушать меня?

– Конечно. Но не здесь; холодно, и я простужусь... В комнате, которая нас ждет...

Бассомпьер говорил себе: «Эта женщина хочет, чтобы ее потащили насильно».

Он протянул обе руки, чтобы схватить Мариетту, но ухватился за чье-то громадное тело, вдруг вставшее между ним и молодой девушкой и как будто выскочившее из-под земли. В то же время две крепкие руки тяжело спустились на его плечи и громкий голос закричал:

– Потише, потише!..

Это был Жан, жених Мариетты, который, нарушив данное слово, следовал за нею в темноте. Его подозрения оказались сильнее его клятв. Он рискнул погибелью своей души, обещанной наградой, может быть, женитьбой, чтобы узнать, обманывает ли его невеста...

Он долго колебался. Потеряв следы той, за которой он гнался, он бежал наудачу и поспел в ту минуту, когда любезный кавалер хотел взять приступом его даму. Он бросился защитить ее.

Бассомпьер, не зная, откуда явился этот человек и чего он хочет, оставался неподвижен; его удивление было таково, что он и не подумал защищаться. Только чувствуя, что его трясут, он пришел в себя.

– Прочь, мужик!

– А-а, молодчик, так-то ты насилуешь девушек... Я отобью у тебя охоту... Подожди!

Жан говорил стиснув зубы от гнева, дрожащим голосом.

Бассомпьер понял, что он имеет дело с серьезным противником, но, не желая обнажать шпагу против человека безоружного, он собрал все свои силы и прыгнул на работника, которого схватил поперек тела, прежде чем тот успел опомниться.

Полковник швейцарцев был сильный борец. В один миг он растянул Жана на земле, несмотря на усилия того. Жан защищался хорошо, удары сыпались градом, и Бассомпьер, почти лежа на нем, с большим трудом сдерживал его. Работая кулаками, он спрашивал себя, как кончится этот турнир.

Вдруг он почувствовал, в свою очередь, что его крепко схватили и окружили несколько человек. Один вытащил из-под плаща фонарь и осветил поле битвы.

Это были дозорные.

– А, мои амурчики, на улицах дерутся! – закричал сержант громким голосом. – Не угодно ли вам пожаловать за мной, да попроворнее...

Жан вскочил; он ощупывал себя и не совсем понимал, в чем дело.

Бассомпьер очень ясно понял положение. Позволить дозорным арестовать себя было невозможно. Сказать свое имя сержанту был верный способ выпутаться из беды... Но на другой день весь Париж будет знать, что Бассомпьер колотил мужика на улице... Какое смешное положение!

Очевидно, можно было кончить одним способом.

Он начал работать локтями, чтобы высвободиться из рук сержанта, который держал его, потом вдруг повернулся, ударил его кулаком по носу и пинком бросил его на десять шагов.

Поднялась суматоха... Солдаты, видя своего начальника на земле, бросились, как бешеные. Но Бассомпьер, предвидя нападение, ждал их. Сильным ударом кулака швырнул он первого напавшего на него солдата к сержанту, который, вставая с трудом и вдруг получив прямо в грудь толчок от налетевшего на него человека, опять тяжело повалился направо, а солдат, отброшенный, как мячик, – налево.

Три других солдата, приметив, что имеют дело с неприятелем необыкновенно сильным, отступили на несколько шагов, сдвинулись и пошли все в ряд.

Положение становилось опасным для Бассомпьера, который, несмотря на свою силу, с трудом мог сопротивляться такому нападению... Он вдруг принял решение, обнажил шпагу и описал в виде предостережения круг, способный заставить задуматься самых смелых.

Солдаты дали себе время подумать... Они даже думали так долго, что позволили небольшому поезду приблизиться.

Поезд этот состоял из носилок и из дюжины лакеев, несших большие факелы.

При виде человека, который с обнаженной шпагой готовился драться с дозорными, слуги остановились, и сонный голос спросил из носилок:

– Что там?

В то же время из-за полуотдернутых занавесок высунулась болезненная голова еще молодого человека, с резкими чертами, запечатленными угрюмым выражением, которое придавало им странный характер.

Вся эта сцена продолжалась несколько минут. Сержант встал и побежал, опьянев от гнева, с поднятым кулаком, но вдруг остановился с изумлением на лице и пробормотал, поднося руку к своей шляпе:

– Простите, мой принц...

Жан, которому нужно было больше времени, чтобы встать на ноги, подошел в эту минуту хромя, держась за бока и вытаращив глаза, стараясь понять, что происходит.

Он оторопел, услышав, что молодой человек, которого сержант назвал принцем, обратился к его противнику, так сильно его отколотившему, и своим плаксивым голосом сказал:

– Это Бассомпьер, если не ошибаюсь...

Бассомпьер, употреблявший невероятные усилия, чтобы убежать или, по крайней мере, не быть примеченным, ничего не отвечал.

Но при втором и третьем зове, видя, что он узнан, был принужден подойти.

– Вы не ошибаетесь, ваше высочество...

– Так это вы сражаетесь с дозорными?

– Я только защищался...

– Стало быть, это настоящая война... Сядьте возле меня, вы расскажете мне дорогой...

– Это невозможно, меня ждут.

– Не отговаривайтесь. Я вас спас... Вы мой пленник, и я вас не отпущу... Я избавлю вас от труда делать мне завтра визит, потому что я должен просить вас оказать мне услугу.

Бассомпьер, по-видимому, не был рад этой встрече, лицо у него вытянулось, и он затруднялся, как ему отговориться.

– Что с вами? – спросил принц, заметив его замешательство. – Или вы боитесь оказать мне услугу?

– Вовсе нет, ваше высочество...

– О, не бойтесь... Это безделица... Только надо поехать со мною завтра к герцогине Ангулемской, где я должен предложить мои услуги девице де Монморанси, на которой я женюсь.

На этот раз гримаса Бассомпьера сделалась еще страннее.

– Правда, вы не знаете, – продолжал принц, – король женит меня; он отдает мне девицу де Монморанси... Я сегодня вечером это узнал. Садитесь... Я непременно должен это рассказать.

Бассомпьер принял отчаянный вид.

– Сделайте милость! – сказал он отчаянным голосом.

– Нет, нет, говорю вам. Вы мой пленник, и это ваш выкуп...

Бассомпьер вздохнул, вложил в ножны шпагу, которую до сих пор держал в руке, и сел в носилки.

Жан слушал этот разговор в остолбенении. Он не мог верить ушам. Носилки были уже далеко, а он еще не тронулся с места.

Он опомнился, только когда его толкнули.

– Ну, ступай, негодяй! – закричал сержант.

– Ведь я вам ничего не сделал...

– Это все равно, ступай.

– Но, сержант, ведь этот тот... Когда вы пришли, он чуть меня не убил.

– Для меня это все равно... Не в этом дело.

– Извините... Нельзя арестовать человека, который ничего не сделал.

– А я хочу арестовать... Если ты скажешь еще слово, я закую тебя в кандалы.

Сержант, взбешенный этим приключением и чувствовавший потребность выместить свой гнев на ком попало, толкнул Жана к своим солдатам, те схватили его и потащили к Шансле.

Все-таки кто-то был арестован, и нечего было бояться, что принц крови освободит его из рук дозорных. Его смело можно было притеснять.

Мариетта исчезла с начала ссоры, и никто о ней не думал.

XI

Немедленно объявили при дворе о браке Генриха Бурбона, принца Конде, с Шарлоттой-Мargarитой де Монморанси, и сам король велел нунцию получить от папы необходимое дозволение.

Принцу было тогда двадцать два года. Он был сыном того Генриха Бурбона, который одно время оспаривал у короля Наваррского лидерство над протестантской партией и который, будучи хорошим воином, хорошим христианином, но плохим полководцем, после сражения при Кутра умер в Сен-Жан-д'Анжели странной смертью – разошлись слухи, что от яда. Все его слуги тотчас были арестованы; паж Белькастель, на которого пали важные подозрения, бежал. Показания свидетелей против принцессы Конде были так сильны, что король Наваррский засадил ее в тюрьму.

Там родила она сына через семь месяцев после смерти мужа. Рождение таинственное – еще таинственнее смерти отца. Единогласно уверяли, что этот ребенок – сын пажа. Некоторые злые языки, утверждавшие, будто знают всю суть этой истории, говорили даже, что тут не обошлось без короля Наваррского.

Потом несколько лет ничего не слыхали об этом деле. Франция забыла имя Конде, когда в 1595 году Генрих Наваррский, царствовавший тогда во Франции и по праву завоевания, и по праву рождения, заметил между любовными интригами, что у него нет наследника.

Надо было найти его, потому что еще не было речи об итальянском браке. Тогда подумали о молодом принце, которому имя давало первое место на ступенях трона. Сделали вид, будто забыли пажа Белькастеля, и провозгласили мальчика принцем Конде. Его воспитали в католической религии и уничтожили процесс его матери, которая между тем также перешла в католическую веру.

Когда родился дофин, молодой Конде был принужден занять место во втором ряду. Из наследника сделался простым принцем крови, и его стали называть принц. Это было падение. Король опять забыл о нем, а двор изумительным усилием памяти выбрал именно это время, чтобы вспомнить историю пажа.

Подобное детство должно было воспитать человека подозрительного, раздраженного... Впрочем, Генрих Конде и по природе был печального характера. В нем было что-то такое, обдававшее холодом. Угрюмый, молчаливый, скрытный, он имел один из самых худших недостатков: он был беден... Он почти всегда держался в стороне. У него известна была только одна склонность – охота. Его считали врагом женщин.

Таков был супруг, которого воля короля давала прелестной Шарлотте де Монморанси. При дворе посмеивались исподтишка. В городе громко судачили.

Де Бульон торжествовал. Бассомпьер сделался невидим. Сюлли казался серьезнее и озабоченнее прежнего.

У короля были дни безумной веселости, сменявшейся непонятным унынием.

Обручение происходило с большой пышностью в луврской галерее 2 марта.

Коннетабль дал сто тысяч экю своему будущему зятю и условился с братом, чтобы назначить дочери пять тысяч ливров годового дохода. Король прибавил своему племяннику содержание и подарил одновременно полтораста тысяч ливров. Невеста получила от его величества великолепный убор из драгоценных камней и роскошное подвенечное платье. Народу устроили гулянья.

В апреле было получено позволение от папы, и брак совершился 17 мая в Шантильи, у коннетабля.

Свадьба была не пышная; состояние Монморанси не позволяло ему больших издержек.

Присутствующие только принцы крови и короткие знакомые Монморанси были немногочисленны. Вдали от Лувра забыли строгий этикет и от всего сердца веселились и шумели.

Вечером после ужина гости танцевали, а на большом лугу напротив замка крестьяне пили и плясали, восхваляя громкими криками щедрость коннетабля.

Окна правого флигеля, где давали бал, были ярко освещены, а далее, в конце другого флигеля, освещались комнаты, в которых прежде жила жена коннетабля и которые оставались пусты после ее смерти.

– Там, – говорили, – комнаты новобрачных.

Изумительная красота принцессы Конде возбуждала восторг. И старики, и молодые в деревне завидовали молодому принцу, осанка и физиономия которого, однако, казались так холодны и выражали скуку.

Новобрачная рано ушла с бала в свои комнаты, где горничные сняли с нее тяжелый парадный наряд.

В белом пеньюаре, еще прелестнее от волнения, заставлявшего ее бледнеть, она ждала своего супруга, прислушиваясь с задумчивым видом к отдаленному шуму праздника.

Она рассеянно слушала герцогиню Ангулемскую, которая стояла возле нее, держа огромный носовой платок, омоченный слезами, и давала племяннице последние наставления.

– Подумайте, Шарлотта, подумайте, что вы должны уважать в вашем муже принца крови и... и... вашего мужа. Помните, что я вам говорю сегодня. – Между женщиной, которая хорошо себя ведет, и женщиной, которая ведет себя нехорошо, целая бездна... Но что с вами, племянница? Точно вы не слушаете меня.

– Извините, тетушка, я думала...

– Напрасно вы думаете, племянница... То, что я вам скажу, очень серьезно... Я уже говорила это восемнадцать лет тому назад, когда брат мой коннетабль женился на вашей матери, Луизе де Бюдо, слывшей первой красавицей во Франции. Ах! Зачем ваша мать, Господь да успокоит ее душу, не послушалась меня; она, наверно, не сделала бы моему брату коннетаблю...

– Сделайте милость, избавьте меня от этих подробностей.

– Вы правы, племянница, я остановлюсь. Я говорила это только для того, чтобы внушить вам мысль, что женщина такой знатной фамилии, возвышенная до звания принцессы крови, не может опуститься до уровня тех женщин, которые... О которых говорят... словом...

Постучались в дверь и спросили:

– Принц прислал узнать, согласна ли принять его принцесса?

Отвечала герцогиня Ангулемская величественным тоном:

– Скажите принцу, что принцесса готова его принять.

Потом она застонала, замахала платком и, бросившись к племяннице, крепко обняла ее.
– Вот торжественная минута, племянница! Не дрожите таким образом.

– Я не дрожу, тетушка.

– Напрасно, племянница... Обязанность молодой девушки, уважающей себя, дрожать при приближении страшного испытания...

– Какого испытания?..

– Вы после все узнаете. А теперь я могу только советовать вам всегда быть почтительной, потому что это не только ваш муж, но принц крови. Кажется, идут... Оставляю вас одну. Помните мои советы. Прощайте, оставляю вас.

Она снова обняла новобрачную и выбежала из комнаты с громкими рыданиями.

Шарлотта де Монморанси, оставшись одна, подошла к окну, приподняла занавесь и смотрела несколько минут на танцы крестьян... Она с нетерпением топала ногой.

В коридоре слышались тяжелые шаги... она покраснела, потом побледнела...

За нею в тени стоял диван. Она побежала к нему и легла на подушки.

Потом, заметив, что один конец дивана ярко освещен канделябрами, горевшими на камине, она быстро перевернула положение и легла так, что свет падал на ее щеки.

Она улыбнулась, закрыла глаза, притворилась спящей и ждала.

Дверь отворилась. Комната наполнилась лаем. Новобрачная вскрикнула от испуга.

– Ах! Вот где вы! – сказал среди шума голос принца Конде. – Я вас не заметил... Молчи, Пирам! Молчи, Тисба!

– Это ваши собаки?

– Конечно. Большая – Пирам, другая – Тисба. С ними никто не сравнится в умении поднимать дичь...

– Выгоните их, они меня пугают!

– Пугают? Полноте! Это предобреешие животные. Вы полюбите их так же, как и я.

– Как! Это вы привели их сюда?

– Конечно.

– Ведь вы охотиться здесь не будете?

– Нет, но эти бедные собаки привыкли ночевать у меня.

– Однако мне кажется, что сегодня у...

– О, они вам не помешают! Вы увидите, как они спокойны. Ложись, Пирам, ложись, Тисба!

Обе собаки прыгнули на диван и разлеглись. Принцесса вскочила и села на кресло с гримасой негодования. Принц ходил взад и вперед, насвистывая охотничью арию.

Наконец, после десятиминутного молчания, сел верхом на высокий стул, кашлянул несколько раз, встал, снова два раза прошелся по комнате, опять сел на стул верхом, опять прокашлялся и решился наконец заговорить.

– Любите вы охоту?

Молодая женщина посмотрела на него с глубоким изумлением.

– Люблю ли я охоту!.. Нет, я охоты не люблю, – ответила она очень сухо.

– Это жаль!

– А, вы находите?

– Да, потому что я ее обожаю, и мы могли бы вместе... Тише, Пирам! Итак, решительно вы не любите охоты?

– Я уже вам сказала.

– Вы полюбите.

– Не думаю.

– Вы увидите.

Принцесса не отвечала, а принц принялся свистеть с видом глубокого равнодушия.

Издали все слышались деревенский оркестр и голоса танцующих, кричавшие:

– Да здравствует коннетабль! Да здравствуют новобрачные!

Принцесса решила наконец прервать молчание:

– Вы слышите крики этих добрых людей? Они веселятся.

– Они очень счастливы.

– Как вы говорите это! Вам так скучно возле меня.

– Разве я это сказал?

– Нет. Но я думала, слыша вас... видя...

– Не могу вам сказать, что вся эта церемония показалась мне весела и что я не был бы довольнее прогулкой по лесу. Я даже целый день был разлучен с этими бедными собаками.

– Вы очень их любите. Вы постоянно занимаетесь ими.

– Это мои единственные друзья.

– Но знаете ли, что я могу к ним ревновать?

– Ревновать к моим собакам?

– Вы сохраняете для них всю вашу любезность.

– О, вы должны были уже видеть, что я вовсе не любезен.

– Не могу скрыть, что я заметила это.

– Что же делать? Я не понимаю изящного обращения. У меня ведь нет склонности к этому.

– Я уверена, что вы клеветаете на себя. Вы составляете себе очень дурную репутацию. Меня ведь хотели уверить, что вы ненавидите женщин.

– А, вам сказали это?

– Да... Тогда я заступилась за вас; я сказала, что это неправда.

Она остановилась, жеманясь, как бы поощряя принца продолжать ее фразу. Но он не тронулся с места и, кончив начатую охотничью арию, спокойно отвечал:

– Я не имею к ним ненависти...

– Вы оказываете им большую честь. А можно узнать, вы уважаете их?

– Но... это довольно трудно решить. Я к ним равнодушен...

– Это довольно лестно для меня.

– О! Я говорил не о всех.

Принцесса сделала движение к нему, но он не заметил; он уже отвернулся и ласкал Пирама, сдерживая зевоту.

Это положение становилось тягостным; надо было выйти из него во что бы то ни стало, но каким образом? Юная девушка уже три месяца употребляла все свое кокетство, чтобы добиться от жениха взгляда, слова, чего-нибудь, что могло бы показать ей, что она любима.

Эта угрюмая физиономия пугала ее. Она часто жалобно вздыхала при воспоминании о блестящем Бассомпьере, которого ей сначала приказали любить, а потом забыть, при воспоминании о старом короле, сильный восторг которого не укрылся от нее и который, несмотря на свою седую бороду, умел еще любить.

Ее утешили, ей возвратили надежду, и герцогиня Ангулемская сказала ей с таинственным видом:

– Подождите свадьбы.

Теперь она была обвенчана. Решительный час наступил; ее волнение и инстинкт говорили ей, что если любовь не пробудится в эту минуту, то не пробудится никогда.

Она призвала на помощь все свое мужество и, вооружившись самой обольстительной улыбкой, пошла к дивану, на котором сидел ее муж, как бы желая сесть возле него.

– Осторожнее, – сказал он, – не подходите так близко, вы разбудите Пирама.

– Все эта собака! Вы, стало быть, очень любите ее?

– Я уже вам говорил, я очень люблю ее.

– Кажется, больше вашей жены!

Принц вытаращил глаза.

– С чего вы взяли? Почему вы думаете это?

– Мы обвенчаны уже целый день, а вы еще не сказали мне ни слова.

– Извините, мне кажется, еще до бала...

– Несколько слов... Вы называете это разговаривать?

– А теперь вечером, здесь?

– Вы мне говорили о собаках, об охоте.

– Так вы не любите охоту? А меня больше ничего не интересует.

Принцесса, в свою очередь, раскрыла широко глаза. Вид у нее был такой испуганный, что принц Конде поспешил извиниться.

– А, если это вас не интересует... Но я не думал... Притом усталость. Церемония была слишком продолжительна. Вы не находите, что она была продолжительна?

– Конечно.

– Мне хочется спать. – Он громко зевнул, а потом повторил: – Мне очень хочется спать, а вам?

– Но... не знаю...

– Пожалуй, не проснусь утром... а я приказал оседлать лошадей в шесть часов.

– Оседлать для чего?

– Чтобы ехать на охоту. Вы поедете?

Прелестная Шарлотта де Монморанси бросила на него презрительный взгляд, которого он не заметил или сделал вид, будто не замечает, повернулась к нему спиной и подошла к окну.

Несколько минут неподвижно смотрела она на крестьян, которые по окончании танцев возвращались в деревню, распевая и спотыкаясь; иллюминация бросала последний свет; слышался еще пронзительный звук удалявшейся волынки...

Когда Шарлотта повернулась, две слезы блистали под ее длинными белокурыми ресницами.

Она взглянула на диван... Принц Конде, свернувшись между собаками, спал сном праведника.

При этом неожиданном зрелище она зарыдала... Потом, когда прошла первая вспышка горести, сжав кулаки, с пылающими щеками, она быстрыми шагами направилась к комнате герцогини Ангулемской.

XII

После свадьбы поспешили вернуться в Париж.

Коннетабль поселился с дочерью и зятем в своем отеле на улице Сент-Авуа.

Принц Конде был молчаливее прежнего. Он не показывался при дворе. Видели только время от времени, как он со своими егерями проезжал по городу, и народ говорил:

– Принц бросает молодую жену и едет на охоту... С ним непременно случится несчастье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.